

Материалы секции
АРХЕОЛОГИЯ

22-27 апреля 2018
НОВОСИБИРСК

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МНСК-2018

АРХЕОЛОГИЯ

Материалы
56-й Международной научной студенческой конференции

22–27 апреля 2018 г.

Новосибирск
2018

УДК 902
ББК 63.4я431
А 87

Научный руководитель секции —
академик РАН, проф. В. И. Молодин

Председатель секции — д-р ист. наук, проф. А. И. Кривошапкин

Ответственный секретарь секции — канд. ист. наук, доцент С. В. Алкин

Экспертный совет секции:

чл.-корр. РАН, д-р истор. наук, проф. М. В. Шуньков
д-р ист. наук, проф. Ю. С. Худяков
д-р ист. наук, проф. Л. В. Лбова
д-р ист. наук Л. Н. Мыльникова
канд. ист. наук, доцент О. И. Новикова
канд. ист. наук С. Г. Скобелев
канд. ист. наук, доцент О. А. Митько

А 87 Археология : Материалы 56-й Междунар. науч. студ. конф.
22–27 апреля 2018 г. / Новосиб. гос. ун-т. — Новосибирск : ИПЦ НГУ,
2018. — 96 с.

ISBN 978-5-4437-0756-3

УДК 902
ББК 63.4я431

ISBN 978-5-4437-0756-3

© СО РАН, 2018
© Новосибирский государственный
университет, 2018

NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY
SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ISSC-2018

ARCHAEOLOGY

Proceedings
of the 56th International Students Scientific Conference

April, 22–27, 2018

Novosibirsk
2018

УДК 902
ББК 63.4я431
А 87

Section scientific supervisor —
Acad. of the RAS, Prof. V. I. Molodin

Section head — Dr. Hist., Prof. A. I. Krivoschapkin

Section responsible secretary — Cand. Hist S. V. Alkin

Section scientific committee:
Corresponding Member of RAS, Dr. Hist., Prof. M. V. Shunkov
Dr. Hist., Prof. Ju. S. Khudyakov
Dr. Hist., Prof. L. V. Lbova
Dr. Hist. L. N. Mylnikova
Cand. Hist., Assoc. Prof. O. I. Novikova
Cand. Hist., Assoc. Prof. S. G. Skobelev
Cand. Hist., Assoc. Prof. O. A. Mitko

A 87 Archaeology : Proceedings of the 56th International Students Scientific Conference. April, 22–27, 2018 / Novosibirsk State University. — Novosibirsk : IPC NSU, 2018. — 96 p.

ISBN 978-5-4437-0756-3

УДК 902
ББК 63.4я431

ISBN 978-5-4437-0756-3

© SB RAS, 2018
© Novosibirsk State University, 2018

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА

УДК 903

Техника скола при производстве пластин, пластинок и микропластин в неолите Восточного Прикаспия (по материалам грота Дам-Дам-Чешме 2 (слой 3))

Алишер кызы Салтанат
Новосибирский государственный университет

При изучении периода финального плейстоцена — раннего голоцена на территории Восточного Прикаспия особое значение имеют коллекции грота Дам-Дам-Чешме-2. Данные материалы фигурируют практически во всех культурно-хронологических схемах развития мезолитических и неолитических индустрий всего центральноазиатского региона.

Грот Дам-Дам-Чешме-2 был обнаружен в 1947 г. палеолитическим отрядом Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. На памятнике проводилось два этапа раскопок: первый этап связан с именем А. П. Окладникова, им в период с 1949–1952 гг. изучена площадь 40 м². Исследователем здесь выделялось 5 культурных слоев, где слой 5 «низ», 5 «верх» и 4 были отнесены к мезолиту, слой 3 — к неолиту, а слой 2 и 1 — к бронзовому веку. Второй этап раскопок проводился с 1963 по 1964 гг. под руководством Г. Е. Маркова.

Полученные результаты по технике скола мезолитических комплексов грота Дам-Дам-Чешме-2 показали ранние свидетельства применения отжимной техники скола для производства пластинчатых сколов в регионе Восточного Прикаспия в период мезолита. Таким образом, на данном этапе актуализировался вопрос о технике скола в неолитических комплексах памятника. В рамках настоящего исследования была проведена работа по определению использовавшейся техники скола при производстве пластин (ширина сколов от 12 мм), пластинок (ширина сколов 12–6 мм) и микропластин (ширина сколов до 6 мм) 3-го слоя каменной коллекции Дам-Дам-Чешме-2, полученной в ходе раскопок А. П. Окладникова (1949–1952 гг.) и отнесенной им к неолиту. В работе техника скола определялась согласно критериям, опубликованным в работе Г. Д. Павленок и К. К. Павленок.

В коллекции каменных артефактов слоя 3 насчитывается 598 экз. В ходе работы было проанализировано 48 экз. пластин, 101 экз. пластинок и 17 экз. микропластин, из них целых — 11 пластин, 27 пластинок и 3 микропластин.

Для пластин с проксимальными частями характерно преобладание гладких и линейных площадок со следами редукции мелкими сколами. Основная часть сколов имеет угловатую и подпрямоугольную в плане форму. На вентральной поверхности сколов читаются средние по размеру, расплывчатые

по форме ударные бугорки без «усиков», трещин и изъянца, а также характерно наличие вентрального карниза. Пластины демонстрируют преимущественно слабо закрученный латеральный профиль, треугольное поперечное сечение и перьевидное дистальное окончание. Показатель удлиненности пластинок достигает значения 1:2.

Основная часть целых пластинок имеет подпрямоугольную и прямоугольную в плане форму. Проксимальные зоны сколов характеризуется линейными и гладкими ударными площадками со следами прямой редукции и абразивной подработкой, наличием средних, слабовыраженных ударных бугорков без «усиков», трещин, изъянца и с наличием вентрального карниза. Среди пластинок преобладают сколы с трапециевидным и треугольным поперечным сечением, прямым и слабозакрученным латеральным профилем и перьевидным дистальным окончанием. Показатель удлиненности целых сколов достигает значения 1:3.

Во время исследования было описано 17 экз. микропластин, из них целых — только 3 экз., а фрагментов с проксимальной частью — 11 экз. В основном микропластины имеют прямоугольную в плане форму. Для проксимальной зоны сколов характерно преобладание линейных и точечных ударных площадок, которые имеют прямой угол, и большая часть не несет следы редукции. Также для них характерны расплывчатые ударные бугорки без «усиков» и трещин, практически не отмечается изъянцев, и при этом на всех сколах имеются вентральные карнизы. Микропластинчатые снятия демонстрируют преимущественно прямой и изогнутый в медиальной части латеральный профиль и треугольное поперечное сечение. Показатель удлиненности микропластин достигает значения 1:4.

Проведенное исследование показало, что основные морфологические характеристики пластинчатых сколов схожи и свидетельствуют о том, что они были получены посредством ударной техники с применением мягкого отбойника. При этом выделяются пластинки и микропластины, полученные посредством отжимной техники, но их насчитывается меньшее количество при сравнении с индустрией слоя 5 и 4. Для данных сколов присуща прямоугольная форма, продольная огранка дорсальной поверхности, трапециевидное или треугольное поперечное сечение, точечные или линейные ударные площадки со следами абразивной подработки, отмечается практически полное отсутствие изъянцев и вентральных карнизов, а также высокий показатель удлиненности целых сколов (1:4). Присутствие отжимной техники скола в данной индустрии подтверждается также и морфологией нуклеусов.

На настоящий момент имеющиеся данные нам позволяют выдвинуть гипотезу о том, что данные комплексы могут свидетельствовать о присутствии отжимной техники в регионе, но ее использование не было широко распространено в период неолита.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. А. И. Кривошапкин

Череп и сосуды: погребальные традиции культуры лапита, остров Эфате, Вануату

Т. А. Гаврилина

Новосибирский государственный университет

Лапита — археологическая культура тропической части Тихоокеанского бассейна, островов Меланезии, Полинезии и Микронезии (3350–2500 л. н.), отличительным признаком которой является специфическая керамика, наиболее ранняя на данных территориях. Своё название культура получила после того, как на раскопках 1942 г. в Новой Каледонии исследователи вольно интерпретировали слово «харета’а», которое на местном языке означает «копать яму» или «место раскопок».

Вопрос о происхождении культуры до сих пор остаётся дискуссионным, однако многие исследователи связывают ее с австронезийской миграцией с территории Восточной Азии (прибрежная часть Китая, Тайвань) [1].

Памятник Теума на острове Эфате, Вануату был открыт в 2003 г., а затем исследовался Национальным культурным центром в сотрудничестве с рядом зарубежных научных центров в период между 2004 и 2010 гг. [3]. За весь период археологических раскопок было обнаружено около 68 погребений, в которых найдены остатки 80 индивидуумов. Анализ ДНК связывает погребенных с указанными выше районами Восточной Азии и в качестве возможного маршрута предполагает миграцию с острова Тайвань через северные районы Филиппин и Марианские острова в Полинезию.

Три погребения на памятнике Теума (№ 17, № 22, № 45) выделяются в общем массиве. Исследователи определяют их как погребения в сосудах.

Погребение № 17 представляет собой вторичное захоронение, состоящее из несожженных костей черепа и нижней челюсти, принадлежащих женщине неопределённого возраста. Останки были найдены в сосуде со сложной орнаментацией, накрытом перевернутым блюдом с циклическим рисунком.

Погребение № 22 содержит вторичное захоронение нескольких несожженных частей скелета, принадлежащих, по всей видимости, подростку или молодому взрослому индивидууму. Останки были найдены в вертикальном расположенном сосуде, орнамент на котором выполнен зубчатым штампом. Особенность этого сосуда в уникальном венчике, украшенном наклепными фигурками птиц [2]. Исследователи считают, что он предназначался исключительно для использования в ритуальных целях [3].

Погребение № 45 также содержит вторичное захоронение несожженных частей скелета. Исследователи полагают, что в данном погребении присутствуют останки по меньшей мере одного взрослого индивидуума в верти-

кально расположенном керамическом сосуде, украшенном замысловатым орнаментом. Также можно утверждать, что сосуд был разрушен уже после захоронения в результате геологических процессов [4].

Необходимо отметить, что на Вануату были обнаружены наиболее эффективные образцы керамики культуры лапита. Археологи полагают, что столь высокий уровень мастерства, вероятно, связан с процессом первоначального освоения территорий поселенцами. Исследователи, занимающиеся реконструкцией погребального обряда по памятнику Теума, обращают внимание на его сложный многоэтапный характер, включающий предварительную подготовку тел умерших, их погребение в сопровождении специального инвентаря (изящные сосуды со сложным орнаментом) и последующие (постмортальные) манипуляции с частями скелета. Возможно, последняя часть ритуала отражает особенности мировоззрения и мифологии носителей культуры лапита, которые предполагали продолжение «диалога» с умершими предками.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-09-00010 «Древние культуры островной части Юго-Восточной Азии: происхождение, особенности и региональное значение».*

1. *Табарев А. В., Попов А. Н.* Особенности процессов неолитизации в тихоокеанском бассейне // V(XXI) Всероссийский археологический съезд. Сборник научных трудов. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2017. С. 1009–1010.

2. *Bedford S., Spriggs M.* Birds on the Rim: A Unique Lapita Carinated Cessel in Its Wider Context // *Archaeology in Oceania*. 2007. V. 42. N. 1. P. 12–21.

3. *Ravn M., Bedford S., Spriggs M., Hawkins S., Philip I., Valentine F.* Pottery Spatial Patterns at the Lapita Site of Teuma, Central Vanuatu: Some Preliminary Refitting Results // *Les Séances de la Société Préhistorique française*. 2016. № 7. P. 163–176.

4. *Valentin F., Choi J., Lin H., Bedford S., Spriggs M.* Three-thousand-year-old Jar-burials at the Teouma Cemetery (Vanuatu): A Southeast Asian — Lapita connection? Institut d'Archeologie de la Nouvelle-Calédonie et du Pacifique and Center for Archaeological Studies, New Caledonia. 2015. P. 81–101.

Научный руководитель — д-р ист. наук А. В. Табарев

Использование минеральных пигментов на территории Сибири в эпоху верхнего палеолита

Ю. С. Губар

Новосибирский государственный университет

Самые древние свидетельства использования пигментов человеком датированы более чем 300 тыс. л. н. и зафиксированы в Африке (Сибуду). В Европе (Терра-Амата, Бильцинсглибен и др.) и Азии пигменты стали использоваться более 100 тыс. л. н. Красящее вещество является одним из характерных признаков культуры в слоях палеолитических памятников.

В Сибири наиболее ранние свидетельства использования пигментов приходятся на период времени от 35–50 тыс. л. н., когда на данной территории появляется человек современного физического типа. Пигмент в виде порошка, шариков, кусочков минералов, «карандашей» гематита часто встречается на памятниках ранней стадии верхнего палеолита на территории Сибири (Денисова пещера, Кара-Бом, Хотык, Подзвонкая, Каменка, Малая Сыя и др.).

На стоянке Кара-Бом (Горный Алтай) было найдено углубление, заполненное порошком, в котором были найдены каменные артефакты и изделия из кости. В пятне красителя были обнаружены две подвески из зубов марала и пест для растирания пигмента. Порошок красновато-бурого цвета, в котором находились артефакты был определен как гётит [1], по нашим данным, состав красителя композитный.

Раскопки верхнепалеолитической стоянки Малая Сыя (предгорья Кузнецкого Алатау) показали, что в пределах жилищ и в межжилищном пространстве зафиксированы следы минеральной краски — красной, черной, желтой, малиновой, зеленой, которая могла быть получена из гематитовых руд, а также из малахита [2]. В коллекции выделены как образцы природного необработанного сырья, так и композитного пигмента. В районе стоянки встречаются зоны окисления гематитовых руд и изучение пигментсодержащих минералов из коллекции Малой Сыи позволяет установить источники сырья как местные. Открытия, сделанные на стоянке, позволяют утверждать, что люди, проживавшие на этой территории в эпоху палеолита умели изготавливать и пользоваться природными красками.

На памятнике Хотык при расчистке 3 культурного уровня зафиксирован участок, насыщенный пигментами разных оттенков — зеленого, красного, желтого, белого, а также гематитовая слюдка и гематитовые «карандаши» [3]. Во всех комплексах стоянки Подзвонкой были найдены многочисленные кусочки охры, некоторые были в виде «карандашей» — кусочков

гематита со следами затертостей на гранях. В Восточном комплексе было найдено изделие округлой формы из скорлупы раковины беззубки. Несмотря на плохую сохранность изделия на внешней и внутренней поверхности были обнаружены следы охры. Отмечены подвески со следами охры, что говорит о их преднамеренном окрашивании. На стоянке были найдены пятна грунта, окрашенные в красный цвет и содержащие порошкообразный краситель [4].

Наиболее распространёнными минеральными красителями являются пигменты красного цвета. Голубые и зеленые цвета обычно не сохраняются и редко встречаются на памятниках. Исключением можно считать материалы Малой Ссы, Хотыка и Мальты.

Палеолитический человек использовал не только природные красители, которые находили в окрестностях, но и научился сам изготавливать их сложным путем. Пигменты могли использоваться как в естественном виде (кусочки природного, необработанного сырья), так и смешиваться с частицами древесного или костного угля, тертой кости для получения другого оттенка. Из природных красителей широко применялась охра (цветные пластичные глины), окись марганца (лимониты) и окись железа (гематиты, гётиты). Нет сомнений, что пигменты играли важную роль в жизнедеятельности человека.

Краска использовалась не только в ритуальных обрядах (погребальных, магических), она применялись в качестве антисептических материалов, связующего клея, обработки шкур, красок для создания рисунков на стенах пещер, боевой и ритуальной раскраски тела или предметов. Чаще всего краску находят возле очагов, или кострищ, где, вероятно, обжигали железняки, чтобы получить красящее вещество нужного оттенка.

1. *Деревянко А. П., Рыбин Е. П.* Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 3 (15). С. 38–50.

2. *Ларичев В. Е.* У истоков верхнепалеолитических культур и искусства Сибири (к открытию в Кузнецком Алатау поселения Малая Ссы и скульптурного изображения черепахи) // Рериховские чтения, 1976 год. Новосибирск. Ротапринт ГПНТБ, 1976. С. 14–26.

3. *Лбова Л. В., Волков П. В., Базаров Б. А.* Семантический аспект находок 3-го уровня памятника Хотык (Западное Забайкалье) // История и культура Востока Азии. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2002. С. 101–103.

4. *Ташак В. И.* Символизм в начале верхнего палеолита Западного Забайкалья // Записки Института истории материальной культуры. 2009. № 4. С. 50–62.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. Л. В. Лбова

**На пороге легендарной карьеры: пионерные исследования
М. Уле в Южной Америке (1890–1900-е гг.)**

И. Д. Долгушин

Новосибирский государственный университет

Настоящая работа посвящена начальному периоду карьеры одного из первых исследователей археологии Южной Америки — Макса Уле. Имя Макса Уле стоит у истоков всей южноамериканской археологии. Им были исследованы археологические древности не только Перу, но и практически всего андского и тихоокеанского региона Южной Америки, а также Калифорнии. По словам Дж. Х. Роу, Уле провёл больше полевых исследований в западной Южной Америке, чем любой другой человек.

Макс Фридрих Уле родился в Саксонии, в Дрездене, 25 марта 1856 г. Окончив в 1875 г. Королевскую Саксонскую государственную школу, поступил в Лейпцигский университет. В 1880 г. он получил учёную степень доктора философии. Интересно отметить, что первоначально сферой его интересов была лингвистика: его диссертация посвящена средневековой грамматике китайского языка. После этого он некоторое время работал в Зоологическом и Этнографическом музее Дрездена, где занимался изучением жизни народов Малайзии и Новой Гвинеи, проводя исследования на богатом материале музейных коллекций. Однако, пожалуй, самым важным событием жизни в Дрездене для Уле стало знакомство с жившим там в это время Альфонсом Штюбелем и его (в соавторстве с В. Райссом) трудом *«Das Totenfeld von Ancon in Peru»*. По мнению Дж. Х. Роу, именно общение с А. Штюбелем подтолкнуло молодого музейного работника к занятиям археологией андского региона.

В 1888 г. Уле покидает Дрезден и переезжает в Берлин, где также работает в музее — в Королевском музее этнологии, директором которого в то время был Адольф Бастиан, известный исследователь Южной Америки, недавно вернувшийся из путешествия в Анды.

За четыре года, проведённых в Берлине, Уле было написано несколько крупных работ по археологии и этнографии коренных жителей Южной Америки, которые очень быстро сделали его известным специалистом в этой области.

В 1892 г. Уле отправляется в свою первую экспедицию. Проведя некоторое время в Аргентине, он едет в Боливию, посещает и исследует множество археологических памятников, в том числе знаменитые развалины Тиуанако, где он с ужасом обнаружил, в каком плачевном состоянии находился памятник: расквартированный там армейский полк использовал древние

статуи в качестве мишеней. Уле направил письмо с протестом боливийскому правительству. Письмо напечатали боливийские газеты, и стрельба была запрещена. Таким образом, благодаря решительным действиям М. Уле уникальный памятник был сохранён. Однако из-за неблагоприятной политической обстановки Уле вскоре пришлось перебраться из Боливии в Перу. Там он провёл раскопки в Пачакамаке, близ Лимы. На основе сделанных находок и стратиграфических исследований Уле была составлена хронологическая последовательность культур центральноандского региона. В это время работы Уле спонсировались Пенсильванским университетом (Филадельфия).

Некоторое время Макс Уле провёл в США, работая в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. Находясь в Калифорнии, он занимался, в частности, раскопками раковинных куч в Эмиревилле. Приобретённый здесь опыт пригодился ему впоследствии при исследовании подобных памятников на тихоокеанском побережье Перу.

В 1899–1905 г. при поддержке Калифорнийского университета Уле проводит раскопки в Перу. Здесь им были исследованы памятники в долинах рек Ика, Чинча и Наска, раковинные кучи в Анконе.

Без преувеличения можно сказать, что работы М. Уле способствовали становлению всей южноамериканской археологии, и особенную роль здесь играют его пионерные исследования 1890–1900-х гг., когда он был фактически единственным профессиональным археологом на всём южноамериканском континенте.

1. *Табарев А. В.* Введение в археологию Южной Америки: Анды и Тихоокеанское побережье. Новосибирск: Сибирская научная книга, 2006. 244 с.

2. *Tantaleán H.* Peruvian Archaeology: A Critical History. London, New York: Routledge, 2010. 215 p.

3. *Rowe J. H.* Max Uhle, 1856 — 944: a Memoir of the Father of Peruvian Archaeology, Los Angeles: University of California Press, 1954. 139 p.

4. *Erickson C.* Max Uhle en Filadelfia (1897–1899) // G. Max Uhle (1856–1944): evaluaciones de sus investigaciones y obras, Lima: Pontificia Universidad Católica del Perú, Berlin: Fritz Thyssen Stiftung für Wissenschaftsförderung, 2010. P. 93–108.

Научный руководитель — д-р ист. наук А. В. Табарев

Костяные ретушеры в среднепалеолитических комплексах Чагырской пещеры

А. С. Колясникова

Новосибирский государственный университет

Органические ретушеры и отбойники были широко распространены в разные периоды палеолита Евразии. В последние годы ретушеры были обнаружены не только в среднем и верхнем палеолите, но и в нижнепалеолитических комплексах. В отечественной археологической практике можно найти незначительное количество примеров проведения технологического или морфометрического анализа костяных ретушеров [2]. Для территории Горного Алтая среднепалеолитический костяной инструментарий выделяется с 2016 г. [4].

В данной работе представлены первые результаты морфометрического анализа костяных ретушеров из комплексов Чагырской пещеры. Пещера находится в Северо-Западном Алтае на территории Краснощёковского района. Материалы данного памятника включают богатейшие среднепалеолитические индустрии и останки представителей неандертальского антропологического типа.

В ходе пересмотра палеозоологических коллекций предыдущих годов раскопок (2008–2016 гг.) были обнаружены и отобраны 1200 цельных и фрагментированных костяных орудий, несущих различные следы утилизации, преимущественно следы забитостей на поверхности кости от ретуширования. Костяные ретушеры были выбраны из материалов слоёв *ба*, *бб*, *бв-1* и *бв-2*, а также несколько экземпляров было обнаружено в комплексе слоя 5. Из всех костяных орудий было отобрано 40 экз. для проведения морфометрического анализа. Предпочтение отдавалось целым орудиям либо изделиям с незначительной фрагментацией (с повреждениями, не затрагивающими рабочие зоны). Для анализа костяных ретушеров использована методика, опубликованная в работе А. П. Весельского, следуя которой, мы учитывали такие параметры, как количество рабочих плоскостей на изделии, количество рабочих зон, степень утилизации/износа каждой рабочей зоны, максимальные метрические характеристики и вес в граммах [3].

Анализ остатков мегафауны позволяет заключить, что тафоценоз слоёв 5 и *ба* сформировался почти исключительно за счет пищевой активности волков и пещерных гиен. Костные остатки из слоёв *бб* и *бв* в приустьевой части пещеры, напротив, накапливались в основном в результате охотничьей деятельности палеолитического человека. Объектом его охоты служили преимущественно бизоны (*Bison priscus*), в гораздо меньшей степе-

ни лошадь Оводова (*Equus (Sussemionus) ovodovi*), сибирский горный козел (*Capra sibirica*), архар (*Ovis ammon*) и северный олень (*Rangifer tarandus*) [1]. На основе этих данных можно предварительно обозначить виды животных, кости которых в основном использовались как сырьё.

Для изготовления костяных ретушеров использовались относительно крупные неопределимые фрагменты длинных трубчатых и плоских костей крупных копытных (в основном от бизона). Изделия имеют одну рабочую плоскость — кортикальную поверхность кости, на плоских костях (ребрах) в двух случаях встречаются две рабочие плоскости. На ретушерах зафиксировано по одной или две рабочих зоны с разной степенью утилизации. Длина составляет от 58 до 156 мм, с доминированием изделий длиной от 80 до 120 мм. Ширина — от 14 до 61 мм, при этом большинство из них до 50 мм шириной. Толщина варьируется в диапазоне от 3 до 12 мм. Вес изделий составляет от 13 до 108 гр.

Дальнейшее детальное исследование костяных орудий представляется перспективным за счет большого количества материала и его разнообразия, что позволит выявить типологию костяных орудий (ретушеров). Также, учитывая значительную близость метрических параметров ретушеров, возможно будет доказать преднамеренное изготовление заготовок, что будет свидетельствовать об изготовлении формальных орудий в среднем палеолите Алтая.

Обнаружение костяных ретушеров в Чагырской пещере значительно расширяет сам орудийный репертуар неандертальского населения Алтая и в целом заставляет пересмотреть наше отношение к уровню технологических познаний этой популяции.

1. *Васильев С. К.* Фауна крупных млекопитающих из плейстоценовых отложений Чагырской пещеры (Северо-Западный Алтай) по материалам раскопок 2007–2011 годов // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. №1 (53). С. 28–44.

2. *Филиппов А. К., Любин В. П.* Костяные ретушеры из мустьерского слоя и пространственное распространение культурных остатков // Неандертальцы Гупского ущелья на Северном Кавказе / под ред. В. П. Любина. Майкоп: Меоты, 1994. С. 142–147.

3. *Veselsky A. P.* Kabazi-V: Bone and Stone Tools Used in Flint Knapping // Kabazi V: Interstratification of Micoquian&Levallois — Mousterian Camp Sites. Simferopol ; Cologne, 2008. P. 427–452.

4. *Kolobova K. A., Markin S. V., Chabai V. P.* Bone Retouchers in the Middle Paleolithic Complexes of Chagyrskaya Cave // Theory and practice of archeological research № 4. Barnaul: 2016. P. 35–39.

Научный руководитель — д-р ист. наук К. А. Колобова

Клады каменных изделий, о. Хонсю, Японский архипелаг

К. А. Литвинова

Новосибирский государственный университет

Клады каменных изделий — категория закрытых археологических комплексов, встречающихся по всей территории земного шара и практически во все исторические эпохи. Наиболее известны эффектные клады с каменными наконечниками в Северной Америке (культуры кловис, фолсом) и Западной Европе (культура солютре) [1]. Клады в зависимости от входящих в них видов изделий несут различную смысловую нагрузку — от хозяйственной до ритуальной. Они могут быть как персональными, семейными, так и принадлежать группе.

Территория Японского архипелага в данном случае не является исключением. Наиболее ранние клады фиксируются на острове Хонсю в культуре микосиба, относящейся к периоду изначального дзёмона (13,6–13,8 тыс. л. н.). Культура микосиба (от 13, 5 до 11, 5–11 тыс. л. н.) связана с самой ранней керамикой на архипелаге, а также с каменными изделиями — тонкоретушированными бифасиальными наконечниками различных форм и размеров (до 20–25 см) и рубящими орудиями с частичной подшлифовкой лезвия или без нее [2].

Первые устные сведения об уникальной находке у деревни Нарука относятся к 1865 или 1867 г. и принадлежат местному фермеру, который сообщил, что клад был найден рабочими.

В настоящее время клад хранится в музее префектуры Фукуи и состоит из крупного наконечника, 23 изящных наконечников с черешком и двух галечных нуклеусов со следами снятия отщепов. Судя по описаниям и рисункам, мелкие наконечники были уложены поверх наиболее крупного. Возможно также, что часть изделий могла быть утеряна или попала в частные коллекции.

Очень интересные материалы были получены при раскопках комплекса гротов Хината (преф. Ямагата). Комплекс изучался в течение ряда лет, и наиболее яркая коллекция была собрана на так называемой «Западной террасе». Выделяется представительная серия (428 экз.) бифасиальных наконечников и их заготовок, а также серия тщательно обработанных крупных рубящих орудий (тесел) с частичной подшлифовкой лезвия и без нее.

Анализ дебитаж и планиграфии находок, проведенный японскими специалистами, позволяет оценивать памятник как мастерскую по изготовлению инструментов. Сырье, использовавшееся для изготовления орудий, поступало из различных источников в радиусе 25–50 км.

Существование специализированных мастерских по производству инструментов (в первую очередь различных по конфигурации, пропорциям

и функциональному назначению бифасов) и их последующая редистрибуция по значительной территории подтверждается материалами и других стоянок на о-ве Хонсю: Юмихаридара пункт в Хачимори (преф. Ямагата), Сейкосансо (преф. Нагано), Уэнотаира и Накабаяси (преф. Ниигата) и других.

Три бифаса, два крупных отщепа и топор с подшлифовкой обнаружены в центральной части стоянки Сендай-Учимаэ, пункт А в префектуре Фукусима. Аналогичные комплексы зафиксированы также на стоянках Саванокуро (преф. Аомори), Нонодзюку (преф. Ивате) и ряде других. Все они датируются в пределах 11,5–10,3 тыс. л. н. В последнее время в японской литературе даже появился термин для их обозначения — «группа памятников с крупными бифасами-нуклеусами» [3].

Уровень обработки каменного сырья в кладах культуры микосиба, мастерство при использовании подшлифовки, применении ударной и отжимной техник однозначно свидетельствуют о высоком профессиональном мастерстве исполнителей, работавших в рамках специализированного производственного цикла. В этот цикл входят поиск и тестирование высококачественного сырья, доставка его от источников, подготовка инструментов для изготовления каменных орудий и, наконец, сам процесс изготовления орудий, по ходу которого мастер менял инструменты, исправлял неизбежные ошибки, отдыхал.

Судя по проведенным экспериментам с разными видами сырья (вулканическое стекло, кремнистые сланцы, яшмы, туфы), это длительный и трудоемкий цикл, возможный только при условии разделения труда в рамках группы. Это признак существования «специалистов», обладающих особым статусом (ролью). Это условие для возникновения и существования так называемых специфических «престижных технологий», а также церемоний, в ходе которых подобные изделия могли использоваться в качестве атрибутов танцев [2].

1. *Табарев А. В.* Дело о спрятанных наконечниках (клады-тайники каменных изделий на территории Северной Америки) // *Stratum plus*. 2005–2009. N.1. Middle Paleolithic: In Search for Dynamics. С. 300–333

2. *Табарев А. В.* Дальневосточная альтернатива (еще раз о путях и времени первоначального заселения американского континента) // *Российский археологический ежегодник*. 2012. № 2. С. 120–132.

3. *Kanomata Y.* Study of the Large-Sized Bifacial Stone Core Group Excavated in the Northeast Honshu // *Paleolithic Archaeology*. 2008. № 70. P. 59–70.

Научный руководитель — д-р ист. наук А. В. Табарев

Орудия из южной галереи Денисовой пещеры (на примере слоя 19)

В. А. Михиенко

Новосибирский государственный университет

Денисова пещера — один из известнейших палеолитических памятников Сибири. Комплексные и междисциплинарные исследования на памятнике ведутся с 1982 г. На протяжении длительного времени раскопки осуществлялись на разных участках пещеры: на предвходовой площадке, в центральном зале, восточной и южной галереях, а подробное описание и анализ каменных индустрий представлены в многочисленных публикациях. В то же время материалы из голоценовых и плейстоценовых отложений южной галереи были отражены в полевых отчетах и предварительно в ряде небольших статей. В связи с этим возникает необходимость введения в полном объеме в научный оборот археологических материалов из плейстоценовых отложений южной галереи Денисовой пещеры, которые станут существенным дополнением к комплексам из других участков пещеры.

Археологическая характеристика плейстоценовых отложений южной галереи Денисовой пещеры представлена материалами коллекций раскопок 1999–2004 гг. Насыщенность среднепалеолитических слоев каменными изделиями неравномерна. Наиболее представительным и показательным среди нижних слоёв по количеству артефактов является слой 19.

Каменная индустрия из слоя 19 насчитывает 2082 экз. Разнообразный орудийный набор насчитывает 93 экз., что составляет 4,4 % от всей индустрии (12,4 % без отхода производства).

Скребла представлены 4 экз. с прямым лезвием, выполненными в продольном (2 экз.) и диагональном (2 экз.) вариантах. В одном случае продольное скребло оформлено на крупном коротком первичном отщепе, рабочий край которого обработан вентральной краевой полукрутой субпараллельной разноразмерной среднемодифицирующей ретушью. В другом случае скребло оформлено на крупном краевом сколе дорсальной краевой крутой крупнофасеточной слабомодифицирующей ретушью. Ударный бугорок заготовки стесан крупным вентральным сколом, дистальный край также утончен. Одно диагональное скребло выполнено на дистальном продольном фрагменте крупного скола и имеет дорсальную крутую разноразмерную слабомодифицирующую ретушь, другое орудие оформлено на крупном массивном отщепе, лезвие которого обработано дорсальной отвесной крупнофасеточной субпараллельной сильно модифицирующей ретушью. Край, противопоставленный лезвию, утончен крупным вентральным сколом.

Значительную часть орудейного набора составляют зубчатые орудия (11 экз.), которые представлены различными вариантами: продольными выпуклыми (3 экз.), поперечными выпуклыми (4 экз.), угловатыми (2 экз.), конвергентным (1 экз.) и с обработкой по всему периметру (1 экз.). Зачастую лезвие оформлялось дорсальной или вентральной краевой или захватывающей полукрутой или крутой чешуйчатой средне- или сильномодифицирующей ретушью, в одном случае отвесной оббивкой. Почти половина изделий имеет обушковую часть.

Тремя экземплярами представлены шиповидные орудия: срединным, продольно-срединным и угловым. Разнообразны выемчатые орудия (6 экз.), выполненные в продольном (4 экз.), поперечном (1 экз.) и угловом (1 экз.) вариантах. На половине орудий рабочему краю противопоставлен обушок. В коллекции имеется и долотовидное орудие (1 экз.), оформленное двусторонней подтеской дистального окончания.

Особую категорию находок составляют сколы с удаленной остаточной ударной площадкой (5 экз.). Эти орудия представляют собой крупные массивные заготовки (2 экз. являются краевыми), у которых при помощи одного или серии крупных вентральных снятий удалена остаточная ударная площадка и часть ударного бугорка. На двух изделиях также имеются участки вентральной оббивки продольного края. Также выделяются крупные массивные целые или фрагментированные сколы (7 экз.) с вентральной оббивкой продольных краев (отмечены как отдельные крупные сколы, так и серии сколов). Подобные изделия устойчивыми сериями встречаются в слоях 14 и 15 восточной галереи, что позволяет их рассматривать в качестве отдельных орудейных типов.

Пластин с ретушью насчитывается 4 экз. (половина фрагментированных), одна из которых леваллуазская. Значительную часть среди изделий с вторичной обработкой составляют отщепы и фрагменты отщепов с ретушью (44 экз.), а также неопределимые фрагменты орудий (8 экз.).

Заготовками для орудий в большинстве случаев служили крупные, реже средние, зачастую массивные укороченные и короткие отщепы и фрагменты крупных сколов, также встречаются изделия, выполненные на сколах комбева (3 экз.). Орудийный набор весьма разнообразен и неоднороден, однако особо выражен зубчато-выемчатый компонент.

Научный руководитель — канд. ист. наук М. Б. Козликин

Бестиарий палеолитической стоянки Мальты в Евразийском контексте

А. И. Панкина

Новосибирский государственный университет

Палеолитическая стоянка Мальта является ключевым памятником верхнего палеолита Сибири. На основе найденных здесь уникальных находок каменного и костяного инвентаря, а также находок с палеолитической стоянки Бурет исследователи выделяют специфичную мальтино-буретскую культуру [1]. В рамках вопроса уникальности этой культуры представляется важным рассмотреть зооморфную коллекцию Мальты в контексте евразийского палеолитического искусства.

Для поиска аналогий мальтинским зооморфным скульптурам были проанализированы скульптурные изображения наиболее известных памятников Западной и Восточной Европы, Урала и Сибири. Всего 213 предметов из коллекций 44 памятников. Все рассмотренные памятники поделены на три хронологические группы, соответствующие характерным климатическим изменениям верхнего палеолита: 1) 40–25 т. л. н.; 2) 24–17 т. л. н.; 3) 16–11 т. л. н. [2]. Для каждой группы характерен свой набор видов животных зооморфной скульптуры, отличающийся от других не только наличием или отсутствием определенных видов, но и их количественными показателями.

Мальта, согласно проведенным датировкам, относится ко второй группе памятников. Возраст найденных здесь зооморфных скульптур определяется в интервале 22900–21600 л. н. [3]. Для этой группы памятников, на время существования которой приходится оледенение и ледниковый максимум, характерны следующие виды животных: преобладают изображения мамонтов и птиц, достаточно представлены изображения бизонов, медведей, кошачьих и носорогов, также имеются изображения рыб и пресмыкающихся, лошади и олени представлены небольшим количеством.

В коллекции мелкой пластики Мальты представлен следующий видовой состав животных: мамонт(?), птицы, грызун (суслик или выдра), пресмыкающиеся (змеи) и рыба. Наиболее близким из памятников по видовому составу являются Костенки 1, где тоже имеются изображения мамонта, серии птиц и пресмыкающегося (жаба) [4, С. 20, табл. XII].

Орнитоморфная скульптура стоянки Мальта обладает специфическими чертами: несоразмерно малыми крыльями и удлинненными пропорциями. Среди 23 орнитоморфных скульптур с других памятников (Костенки 1, Мезино, Буреть, Хохле Фельс, Дольни-Вестонице, Грот-де-Энленн

и Мас-д'Азиль) прямой аналогией мальтинским изображениям с подобными признаками является единственная скульптура со стоянки Буреть.

Всего в рамках исследования было рассмотрено 55 ед. скульптурных изображений мамонта. Они встречаются на ряде памятников Западной и Восточной Европы, Урала и Сибири. Наиболее близкие изображения, обладающие сходными чертами с мальтинским мамонтом, такими как грузное тело, отсутствующие ноги, подпрямоугольная форма тела, встречаются на памятниках Костёнки 1, 4 и Аносовка 2 [4, табл. XXIII].

Ихтиоморфная скульптура с Мальты представляет собой одностороннее изображение довольно крупной рыбы. Поверхность изделия покрыта спиралевидными рядами лунок, а плавниковая зона представляет собой ряды перьев, изображенных прямыми линиями. Среди рассмотренных шести изображений рыб, найденных на ряде памятников Франции (Леспюг, Ложери Басс, Мас-д'Азиль, Курбет), Германии (Фогельхерд) и Восточной Европе (Елисеевичи 1), сходными признаками обладают только изображения с памятника Фогельхерд и Леспюг.

Изображения таких животных, как суслик (выдра) и змеи, найденные на стоянке Мальта, не встречаются на других памятниках и не имеют аналогов.

Таким образом, присутствующие в коллекции мобильного искусства палеолитической стоянки Мальта скульптуры животных соответствуют общему видовому составу животных второй группы, хотя и представляет собой весьма необычный набор. Отдельные скульптуры обладают сходными чертами с изделиями Западной и Восточной Европы. Однако один из основных маркеров стоянки Мальта — водоплавающая птица с усеченными крыльями — не имеет аналогов в мировом палеолитическом мобильном искусстве. Подобный образ встречается только на соседней, располагающейся в 20 км от Мальты, стоянке Буреть, вместе с которой Мальта образует единое культурное пространство.

1. Палеолит СССР / *Абрамова З. А., Аникович М. В., Бадер Н. О.* и др.; отв. ред. П. И. Борисковский; АН СССР, Ин-т археологии. М.: Наука, 1984. С. 313, 323–329.

2. Палеолитоведение: введение и основы / *Деревянко А. П., Маркин С. В., Васильев С. А.* РАН, Сиб. отд-ние, Ин-т археологии и этнографии. Новосибирск: Наука, 1994. С. 31.

3. *Литнина Е. А., Медведев Г. И., Ощепкова Е. Б.* Мальтинское верхнепалеолитическое местонахождение // Каменный век Южного Приангарья. Бельский геoarхеологический район. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2001. С. 83.

4. *Абрамова З. А.* Палеолитическое искусство на территории СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. Л. В. Лбова

Неолит Филиппин: два типа керамики — две традиции?

А. Е. Патрушева

Новосибирский государственный университет

Неолит на Филиппинах относительно периодизации мировой археологии представлен довольно коротким этапом — от 3 800 до 2 500 л. н. Именно к этому времени относятся комплексы, материал которых послужил базой для выделения основных характеристик неолита (территория, хронологические рамки, керамические комплексы, основные типы керамики, орудия, domesticiрованные растения и животные) и базой для постановки вопросов об однородности, происхождении, продолжительности и способа распространения неолита в силу имеющихся особенностей — наличия в одном и отсутствие в другом регионе определенного типа керамического орнамента или цвета, признаков земледелия, полированных орудий, типа раковин и др., что в общемировом контексте только в совокупности является маркером нового каменного века.

Так, на сегодняшний день одним из наиболее спорных вопросов является вопрос о путях проникновения неолита на Филиппины. Здесь будет рассмотрена гипотеза А. Андерсона, который считает возможным распространение неолита несколькими путями, как минимум двумя, в противовес доминирующей линейной миграционной теории распространения сельского хозяйства и фермеров, говорящих на австронезийских языках с направлением Тайвань — северный Лусон — центральные и южные Филиппины — Борнео, Сулавеси, Молуккские острова — Океания. В основе гипотезы Андерсона лежит предположение о том, что подобные Лусонскому проливу маршруты вполне могли быть преодолены в то же время и в других частях региона. Автором были выделены два пути распространения: неолит I и неолит II [1].

Неолит I связан с движением австроазиатских языков, веревочной керамики и не предполагает одновременного внедрения сельского хозяйства. Направление в данном случае идет с юга архипелага: Южный Китай — Таиланд, Вьетнам — Малайский п-ов — Борнео — южные и центральные Филиппины — Океания.

Неолит II характеризуется наличием красно-крашенной керамики, признаками сельского хозяйства и связан с движением австронезийских языков. Этот путь в целом повторяет направление линейной теории, описанной выше, т. е. идет с севера архипелага, с отличием в разделении направлений миграций в районе острова Борнео, на восток, в Океанию и, на запад, до Вьетнама.

Так как неолит на Филиппинах характеризуется именно появлением керамики, то данный материал становится определяющим в построении хронологии и прослеживании традиций. Открытые памятники северной части архипелага дают наиболее ранние даты и примерно схожие неолитические комплексы: Сангет (о. Батан, дата по углю 2383 +/- 35), Андараян (о. Лусон, дата по углю 3240 +/- 160), Магапит (о. Лусон, даты по углю 2800 +/- 140, 2760 +/- 125), Нагсабаран (о. Лусон, даты по углю 3390 +/- 130, 3050 +/- 70), Димолит (о. Лусон, даты по углю 5100 +/- 210, 3 900 +/- 140 и 3 280 +/- 110 л. н.) и др. [2]. Практически на каждом из них постоянными и характерными материалами являются красно-крашенная керамика с прочерченным узором, пряслица, тесла со ступенчатой ретушью, четырехугольные или трапециевидные в сечении тесла, отщеповые каменные орудия, зернотерки. В свою очередь памятники южной части архипелага, пещеры Нгипе Далдаг и Лета Лета (о. Палаван) демонстрируют керамику с «веревочным» орнаментом, которая датируется возрастом 3,5–3 тыс. л. н. Особенно интересно, что на о. Палаване также присутствует и красно-крашенная керамика, однако она датируется чуть более поздним временем, а керамика с веревочным орнаментом в других регионах архипелага зафиксирована только на о. Минданао в незначительном количестве (карстовый навес Балобок), зато ярко представлена на западе Индонезии: пещеры Силабе и Харимау (о. Суматра), Буни (о. Ява), пещерные комплексы Гуа Сире и Ниа (о. Борнео).

Рассмотренная здесь гипотеза не является однозначным решением вышеупомянутых проблем, однако дает альтернативный взгляд на развитие неолита на Филиппинах, ставит вопросы о сосуществовании как минимум двух керамических традиций, двух направлений неолита и о возможности большего количества культурных пересечений.

1. *Anderson A.* Crossing the Luzon Strait: Archaeological Chronology in the Batanes Islands, Philippines and the Regional Sequence of Neolithic Dispersal // *Journal of Austronesian Studies*. 2005. V. 1. N. 2. P. 25–44.

2. *Spriggs M.* Archaeology and the Austronesian Expansion: Where Are We Now? // *Antiquity*. 2011. V. 85. P. 510–528.

Научный руководитель — д-р ист. наук А. В. Табарев

Мальтинские орнаментированные диски как предметы престижа

Т. Е. Ростяженко

Новосибирский государственный университет

Престижные технологии и предметы престижа — социальный и технологический комплекс в культуре, назначение которого заключается в демонстрации богатства, престижа, особого статуса или власти [1]. В отличие от предметов, изготовленных с помощью практических технологий, изделия престижного характера имеют неутилитарное назначение и предназначены для публичного экспонирования (зачастую разового или эпизодического, но не менее значимого). Престижные технологии и предметы играют важную роль в межгрупповом и межрегиональном обмене. Они характерны для трансэгалитарных обществ — обществ, где работает механизм социальной «соревновательности», целью которого является обретение особого социального статуса по отношению к отдельным индивидуумам и к целым семьям, родам, кланам и общинам [2].

Находки из коллекции палеолитической стоянки Мальта уникальны и широко известны [3], они представлены более 800 предметами палеолитической пластики: орнитоморфные и зооморфные скульптуры, а также знаменитые «Сибирские Венеры» [4]. Не менее интересны дисковидные орнаментированные изделия, которые рассматриваются в данной работе. Коллекция включает в себя 12 дисков, пластин и их фрагментов, выполненных на плоских отщепах и пластинах бивня. Их можно разделить условно на четыре группы. По размеру пластины можно поделить на крупные (от 12 см × 4 см) — 2 изделия, средние — 5 пластин и мелкие (не более 4 см × 2 см) — 5 изделий. Также в коллекции выделяется четыре формы пластин: прямоугольная-выгнутая со сглаженными углами (2 изделия), прямоугольная-вытянутая со сглаженными углами (5 изделий), овальная (2 изделия), квадратная (3 изделия). Предметы различны по характеру элементов орнамента (ямки, зигзаги, С-образные знаки) и их комбинации.

Орнамент, нанесенный первым способом, делался проверткой с округлым концом, а каждая точка — разовым полуповоротом [5] — 3 экз. Первый предмет представляет собой крупную, слегка выгнутую трапециевидную пластинку с отверстием в середине, наружная сторона покрыта орнаментом в виде спиралей. Второй экземпляр похож на фрагмент браслета, наружная сторона которого покрыта ямками. Еще один предмет представляет собой небольшой (3 см × 1 см) фрагмент, покрытый подобным орнаментом, парные ямки наносились проверткой.

Зигзагообразный орнамент выполнялся в виде коротких бороздок, прорезывался короткими отрезками [6] — 4 экз. Два представляют собой крупные прямоугольные пластины со скругленными углами и отверстием посередине. Похожий орнамент нанесен и на небольшую пуговицу, а также на фрагмент пластины подобного размера прямоугольной формы.

С-образный орнамент характерен для четырех экземпляров. Скульптор наносил три сверлины (центральная глубже боковых) а затем соединял их [8]. Еще один вариант нанесения — проскабливание острием с двух сторон по направлению к точке двух выемок [9]. Таким орнаментом декорирован диск с тремя незаконченными линиями орнамента и крупная пластина, покрытая им в пять линий на лицевой стороне. Интересно, что пластины, покрытые данным орнаментом, не имеют центрального отверстия.

Некоторые исследователи считают, что мальтинские пластины были предметами украшений (например, бляха) [5]. Существует точка зрения, что мальтинские пластины служили счетной календарно-астрономической таблицей [7].

Таким образом, установлено, что мальтинские диски выполнены стилистически однородно и систематично, демонстрируют различные, но устойчивые способы декорирования. Типы орнаментации, размеры и формы могут стать основой для предположения о использовании пластин как предметов, предназначенных для определенного слоя общества или отдельного клана.

1. *Hayden B.* Practical and Prestige Technologies: The Evolution of Material Systems // *Journal of Archaeological Method and Theory*. 1998. Vol. 5. № 1.

2. *Лбова Л. В., Табарев А. В.* Культура, искусство, ритуал. Происхождение и ранние этапы. Новосибирск: НГУ, 2010. 142 с.

3. *Ларичев В. Е.* Заря астрологии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. 318 с.

4. *Герасимов М. М.* Мальта. Палеолитическая стоянка (предварительные данные): результаты работ 1928/29 г. Иркутск: Власть труда, 1931. 25 с.

5. *Семенов С. А.* Первобытная техника. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 240 с.

6. *Технология производства в эпоху палеолита.* Л.: Наука, 1983. 208 с.

7. *Ларичев В. Е.* Мальтинская пластина из бивня мамонта. Новосибирск: Инст. истории, филологии и философии, 1986. 44 с.

8. *Филиппов А. К.* Хаос и гармония в искусстве палеолита. СПб.: Нестор-история, 2005. 224 с.

9. *Lbova L.* Technological Features of Decorated Ivory Artifacts in the “Classic” Collection from the Mal’ta Site (Siberia, Upper Paleolithic). *Annales d’Université Valahia Targoviste, Section d’Archéologie et d’Histoire, Tome XIX*, 2017. P. 7–17

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. Л. В. Лбова

Функции скребковых орудий в эпипалеолите восточного Приэльбрусья (по материалам навеса Бадыноко)

М. В. Селецкий

Новосибирский государственный университет

Экспериментально-трасологический анализ коллекции каменных артефактов позволяет реконструировать функции орудий, что является очень важным для определения специализации индустрии. Кроме того, трасологическое исследование предоставляет возможность для интерпретации и корреляции морфологии и функционального назначения артефактов, таких, например, как скребковые орудия.

Скребками принято называть категорию изделий, которые изготавливались из отщепов или пластин и имели короткий ретушированный выпуклый или прямой рабочий край [1]. Экспериментально-трасологическое изучение этих орудий привело к определению их основной функции — промысловая обработка шкур и кож. В редких случаях они используются для обработки кости, рога или дерева [2–5].

Исходя из этого, цель нашего исследования состоит в реконструкции функций скребков эпипалеолитических слоёв навеса Бадыноко. Нами использовались металлографический микроскоп Olympus ВНМ и бинокулярный микроскоп МБС-10.

Навес Бадыноко расположен в Кабардино-Балкарской республике приблизительно в 50 км на запад от г. Нальчик. Памятник был открыт отрядом ИАЭТ СО РАН под руководством Зенина В. Н. в рамках разведочного исследования долины р. Баксан [6].

В индустриях эпипалеолитического времени наблюдается развитие в каменном производстве, которое выражается в изменении сырьевых предпочтений, отбора целевых заготовок и состава орудийного набора [7]. Для слоя 7 навеса Бадыноко имеется серия калиброванных радиоуглеродных дат, укладываемых в диапазон от 17 до 8,5 тыс. л. н. [8].

В коллекции представлены скребковые орудия (24 экз.) следующих типов: концевые (20 экз.) с выпуклым (13 экз.) или прямым (7 экз.) лезвием; боковые с выпуклым лезвием (2 экз.); двойные боковые с выпуклым лезвием (2 экз.).

Основными типами заготовок для производства скребков являются отщепы (23 экз.) из кремневого сырья. Одно изделие выполнено на техническом сколе подправки фронта расщепления из обсидиана.

В результате трасологического анализа было установлено, что большая часть скребков (82 %) применялась для обработки шкур или кожи. Кромка лезвия орудий этого функционального типа заложена, заглажена и имеет

тусклый «жирный» блеск, а также, на ней распространяется мягкая заполировка в виде полосы.

С другой стороны, для скобления кости или рога использовались кремневые скребки с широким и прямым лезвием (18 %). На рабочих кромках орудий зафиксирована яркая, блестящая заполировка, присутствуют следы микровыкрошенности.

По предварительным результатам нами было установлено, что для обработки шкур/кожи большее предпочтение отдавалось орудиям с крутой ретушью на прямых и узких лезвиях, располагающейся по двум и более краям изделия, когда как для рога/кости использовались изделия с полукрутой ретушью, которая приурочена к поперечному краю артефакта.

В результате проведённого исследования, нам удалось определить основные формы, предпочитаемые древними обитателями навеса Бадыноко при обработке шкур, кожи, рога и кости.

1. *Васильев С. А., Бозински Г., Бредли Б. А., Вишняцкий Л. Б., Гирия Е. Ю., Грибченко Ю. Н., Желтова М. Н., Тихонов А. Н.* Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 264 с.

2. *Волков П. В.* Трасологические исследования в археологии Северной Азии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. 192 с.

3. *Семенов С. А.* Первобытная техника // МИА. 1957. Вып. 54. 241 с.

4. *Семенов С. А., Коробкова Г. Ф.* Технология древнейших производств. Л.: Наука, 1983. 256 с.

5. *Федорченко А. Ю.* Экспериментально-трасологическое исследование скребков поздней ушковской культуры (Центральная Камчатка) // Краткие сообщения Института археологии. 2016. Вып. 243. С. 16–32.

6. *Деревянко А. П., Зенин В. Н., Аношкин А. А., Рыбин Е. П., Керетов Б. М., Виндугов Х. Х.* Бадыноко — новое многослойное местонахождение каменного века в Кабардино-Балкарии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2004 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. X. Ч. 1. С. 70–76.

7. *Селецкий М. В., Шнайдер С. В., Зенин В. Н., Кривошапкин А. И., Колобова К. А., С. Алишер кызы.* Эпипалеолитические комплексы навеса Бадыноко (Приэльбрусье) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 147–162.

8. *Зенин В. Н., Орлова Л. А.* Каменный век Баксанского ущелья (хронологический аспект) // XXIV Крупновские чтения. Нальчик, 2006. С. 54–57.

Научные руководители — д-р ист. наук А. И. Кривошапкин,
канд. ист. наук С. В. Шнайдер

Археологический комплекс пещеры Ниа по материалам исследований Тома и Барбары Харриссон

Г. В. Серовец

Новосибирский государственный университет

Ниа (Niah) представляет собой пещерный комплекс, располагающийся на севере острова Борнео в Восточной Малайзии в 17 км от южного побережья Южно-Китайского моря. Карстовые пещеры находятся в небольших холмах (самая высокая точка — 394 м над уровнем моря), и вся их система занимает территорию в 10 га. Пещерный комплекс Ниа, а в частности Великая пещера (Great Cave), является одним из важнейших археологических объектов для всей юго-восточной Азии. Историю изучения пещерного комплекса можно разделить на несколько этапов: 1) доархеологический; 2) раскопки Тома и Барбары Харриссон в 1954–1967 гг.; 3) раскопки Зурайны Маджид в 1977 г.; 4) современный этап, с 2000 г. Данная работа посвящена исследованиям Т. и Б. Харриссон.

Пещера Ниа была известна местному населению издавна, однако официальным ее открытием считается 1854 г., когда А. Р. Уоллес посетил ее с целью изучения местной фауны. Его предположение о возможности заселения этой пещеры древними людьми вызвало интерес научного сообщества. Археологическое изучение многослойного комплекса Ниа началось лишь в 1950-е гг.

Том Харнетт Харриссон (1911–1976 гг.) был английским археологом, антропологом, большую часть своей жизни он прожил на о. Борнео и посвятил свою жизнь изучению этого региона. Его жена, Барбара Харриссон (1922–2015 гг.) — немецко-британский искусствовед, чей научный вклад в изучение антропологии, приматологии и археологии ценится во всем мире. Изучение пещеры Ниа началось в 1947 г., когда Том Харриссон, новый директор Музея Саравака, желавший попробовать свои силы в археологических раскопках, посетил этот пещерный комплекс. Большое значение имеет научная ситуация, сложившаяся в то время в дискуссии о значении региона юго-восточной Азии в мировой археологии. Многие исследователи были убеждены в отсталости этого региона и невозможности его самостоятельного развития с древнейших времен [5]. Однако некоторые ученые предполагали, что юго-восточная Азия могла быть местом «недостающего звена» между предками человека и человеком разумным [1]. Уже через семь лет был заложен первый шурф в северо-западном углу западного устья пещеры, что позволило доказать актуальность дальнейших раскопок в этом месте. Были найдены частички угля и пепла, фрагменты костей животных и человека, а также каменные инструменты и гончарные изделия. Получен-

ные в ходе раскопок материалы заинтересовали инвесторов, за счет которых Харриссоны смогли развернуть полномасштабные исследования [2, Р. 33]. Работы велись интенсивными темпами, так как необходимо было сохранить финансирование. Изучая отчеты с этого полевого сезона, можно заметить, что фиксация была довольно нечеткая и местами недостаточная.

В полевой сезон 1958 г. были получены наиболее ценные артефакты, которые повлияли на мнение мирового сообщества относительно археологического значения региона юго-восточной Азии. Был найден знаменитый «Глубокий череп» (Deep Skull) с датировкой около 40 000 л. н., который в то время оказался самым древним останком человека современного вида в мире. Также было обнаружено неолитическое кладбище, которое было датировано 5000–2500 л. н. на основе гончарных изделий, погребального инвентаря и радиоуглеродных дат [4]. В ходе последующих полевых сезонов 1960-х гг. было изучено большое количество нового материала, детализирована стратиграфия, а также впервые на этой территории стал применяться спорово-пыльцевой анализ почвы. Раскопки под началом Б. Харриссон велись с большой аккуратностью, отчеты были более детальные и точны, что помогло последующим исследованиям. 1966–1967 гг. стали последними в полевом изучении пещерного комплекса для периода работ семьи Харриссонов, именно в это время был раскопан основной массив захоронений Западного устья Ниа. После завершения полевых работ начался период изучения накопленного материала в лабораториях, важное место в которых заняла максимально полная на тот момент классификация погребений Б. Харриссон [3].

Пионерные работы Тома и Барбары Харриссон имеют большое значение как для Южно-Азиатской, так и в целом для мировой археологии. Именно ими были открыты слои начиная от палеолита, что позволило доказать мировому сообществу наличие этого периода в юго-восточной Азии.

1. *Barker G.* Burial Ritual of Prehistoric Forager-Farmers in Borneo // Expedition. 2006. Vol. 47. № 1 P. 14–19.

2. *Barker G.* Archaeological Investigations in the Niah Caves, Sarawak, 1954–2004. McDonald Institute for Archaeological Research: Cambridge, 2016. 592 p.

3. *Harrison B. A.* Classification of Stone Age Burials from Niah Great Cave, Sarawak // Sarawak Museum Journal. 1967. Vol. 15. P. 126–200.

4. *Harrison T.* New Archaeological and Ethnological Results from Niah Caves, Sarawak // Man. 1959. P. 1–8.

5. *R. Heine-Geldern.* Urheimat und früheste Wanderungen der Austronesier // Anthropos. 1932. Bd. XXVII.

Научный руководитель — д-р ист. наук А. В. Табарев

«Дочь Люси» и вопрос о нижней границе каменного века

А. В. Чернышов

Томский государственный университет

Останки трехгодовалой «дочери Люси», *Australopithecus afarensis*, найденные в 2000 г. в районе Дикики (северо-восточная Эфиопия), на данный момент являются одним из самых сенсационных палеоантропологических открытий. Интерес к данной находке обусловлен тем, что у четырех окаменевших фрагментов костей, обнаруженных в нескольких милях от найденного скелета «Люси» (участок DIK-55), были найдены весьма интригующие отметины. Микроскопический и химический анализ показал, что эти отметины, имеющие форму перкуссионных надрезов, могли быть сделаны исключительно каменным инструментом. Один из исследователей, Кёртис Мэрин, заявил, что эти отметины можно расценить как результат отделения мяса от костей предполагаемым «каменным ножом» [2]. Поэтому ученые проекта «Дикика» предположили, что истоки орудийного манипулирования (каменной индустрии?) берут свое начало не менее, чем 3,4 млн лет назад, и связаны они с родословной именно афарских австралопитеков, а не *Homo habilis* или *Homo rudolfensis*, как указывается в традиционной археологической периодизации [2].

Довольно рискованно говорить о смещении нижней границы эпохи каменного производства на 700–800 тыс. лет. Поскольку сами «каменные ножи» до сих пор не обнаружены, невозможно установить их статус: были ли они естественными эолитами или же являлись артефактами. Тем не менее имеется ряд косвенных свидетельств, уверенно говорящих в пользу орудийной деятельности афарцев.

В первую очередь нужно отметить географический фактор. На территории Дикики *A. afarensis* был единственным обитающим гоминидом, о чем говорят результаты палеоантропологического изучения местности [3]. В нашем случае это говорит о том, что именно афарцу принадлежала работа с костями, а истоки орудийного поведения можно отсчитывать со времени его обитания в этой местности (3,4 млн лет назад).

Археолог Дэвид Р. Браун отмечал, что *A. afarensis* не являлся примитивным «обезьяноподобным» видом, поскольку для его физиологии были свойственны некоторые «человеческие» черты: относительно короткие пальцы, позволявшие афарцу производить тонкие манипуляции с инструментом, и отсутствие «воронкообразной» грудной клетки. Последнее расценивается как доказательство обильного мясного рациона, который обеспечивался, по-видимому, за счет вовлечения каменных орудий в процесс добычи мяса [1].

Гораздо сложнее выявить причастность афарцев к непосредственному орудийному производству. Исследователи не отрицают, что *A. afarensis* мог создавать примитивные палеолитические орудия методом скола. По замечанию археолога Шеннона Макпэррона, если афарцы и пытались изготавливать орудия, то непосредственно на территории Дикики сделать это было невозможно из-за отсутствия подходящего сырья [3]. Следовательно, искомые орудия могли быть произведены в другом месте. Острый осколок камня прекрасно подходил для добычи мяса, поэтому афарцы затрачивали определенные силы на транспортировку данных инструментов на большие расстояния. Макпэррон предположил, что каменный инструмент, которым могли быть нанесены отметины на костях, преодолел в руке афарца не менее 6 км [3].

Исследователи не исключают, что первоначально *A. afarensis* использовали камни с естественным острым краем, не прибегая к их дополнительной обработке или же сводя свои усилия к одному-двум сколам. Вероятно, что само использование орудий афарцами было весьма редким, не говоря уже о попытках их изготовления. В случае широкого распространения афарцами орудийной деятельности должны были образоваться большие скопления артефактов, которые не остались бы незамеченными археологами [1].

На этом основании ученые подвергают сильному сомнению предположенность *A. afarensis* к изготовлению орудий. Тем не менее закрытие вопроса о смещении нижней хронологической границы палеолита на 700–800 тысяч лет не представляется возможным ввиду огромного исследовательского потенциала других регионов Эфиопии, Кении и Танзании, где были также найдены останки *A. Afarensis* и в будущем могут быть найдены аналогичные по древности палеозоологические и археологические материалы [1]. Результаты их изучения могут подтвердить вероятность зачатия и развития орудийного производства в родословной *Australopithecus afarensis* на предолдувайском этапе, в связи с чем традиционное определение нижней палеолитической границы в будущем может быть подвергнуто серьезному пересмотру.

1. *Braun David R.* Paleoanthropology: Australopithecine butchers // *Nature*. V. 466. 2010. P. 828

2. *Carol Hughes.* Discovery points to ancestor «Lucy» use of stone tools, meat consumption URL http://asunews.asu.edu/20100811_bones.

3. *McPherron Shannon P. et al.* Evidence for stone-tool-assisted consumption of animal tissues before 3.39 million years ago at Dikika, Ethiopia // *Nature*. V. 466. 2010. P. 857–860.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доцент Е. А. Васильев

**Трасологический анализ трех фрагментов нефритового ножа
(из коллекции Музея истории и культуры народов Сибири
и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН)**

Т. А. Шевченко

Новосибирский государственный университет

При помощи методики трасологического анализа были изучены три фрагмента ножа из коллекции Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН, единицы хранения № 88/426 (№ 20601, № 20601.9, № 20601.49), вспомогательный фонд (автор выражает благодарность сотрудникам музея за предоставление материалов для исследования). Артефакты были найдены близ Иркутского водохранилища, ранее находились в коллекции Л. И. Малышева. В документации музея отсутствует хронологическое и культурное определение артефактов. Все фрагменты были найдены вместе и атрибутированы как части одного предмета — ножа. Для подтверждения или опровержения этого утверждения был проведен трасологический анализ. В отечественной историографии работ, посвященных трасологии артефактов из нефрита, крайне мало [1,2].

Изучение предметов при помощи микроскопа позволяет рассматривать протяженность и глубину следов, замечать изменения поверхности орудий, обращать внимание на царапины, выбоины, риски, трещины, проводить сравнение искусственно обработанной и естественной не модифицированной поверхностей [3]. Определение этих характеристик играет принципиальную роль в установлении принадлежности трех фрагментов нефрита к одному изделию. Для сопоставления полученных данных была создана специальная таблица, которая позволяет учитывать различные трасологические критерии изученных артефактов.

Во-первых, предметы не стыкуются друг с другом. Во-вторых, после проведения анализа при помощи микроскопа были выявлены различия по таким признакам, как глубина, длина, направление и интенсивность следов, особенности оформления рабочего края. Это позволяет говорить о том, что фрагменты не являются частями одного предмета.

Было установлено, что глубина следов различна. На фрагменте № 20601.49 обнаружены наиболее поверхностные следы, более глубокие — на предмете № 20601.9 и самые ярко выраженные на артефакте № 20601.8. Возможно, их обрабатывали, используя различные абразивные материалы и/или с разной силой воздействия. Наиболее интенсивные линейные следы отмечаются на артефакте № 20601.8, менее выразительные — на № 20601.9, наименьшая интенсивность фиксируется на фрагменте № 20601.49. На ка-

ждом предмете присутствуют серии линейных следов разной длины, но, определив наиболее характерную, можно сказать, что на фрагменте № 20601.9 самые длинные параллельные царапины, на № 20601.8 несколько короче, на № 20601.49 наименее протяженные.

Среди критериев анализа следов наиболее важным является их направление, именно оно помогает определить исследователю, какими движениями проводилась работа над изделием и восстановить способы обработки сырья. На фрагменте № 20601.8 можно выделить три группы следов, две из которых направлены на оформление лезвия. На № 20601.9 зафиксированы две пересекающиеся и накладывающиеся друг на друга серии линейных следов, которые дают основание предполагать, что изделие обрабатывалось в два этапа. На артефакте № 20601.49 фиксируется одно основное направление параллельных следов, а также присутствует большое количество хаотично направленных коротких рисок. Этот фрагмент сильно заполирован. Таким образом, следов подготовки лезвийной части не отмечается.

Важный критерий — морфологические характеристики лезвия ножа. На всех трех фрагментах оно имеет разное количество граней, от одной до трех, и разную форму.

После проведения трасологического анализа этих трех предметов был сделан вывод, что все они являются частями ножей, но не одного изделия. На это указывают значительная разница в степени заполированности артефактов, глубине, длине, направлении и интенсивности следов, а также особенностях оформления лезвийной части.

1. Семенов С. А. О технике сверления нефрита из погребений Глазковского времени // Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Материалы и исслед. по археологии СССР. № 43. Ч. 3: Глазковское время. Приложение 4. С. 370–371.

2. Кунгурова Н. Ю. Каменные изделия из погребений Могильника Курма XI (по результатам трасологических исследований). Приложение 5 // Погребальные комплексы неолита и бронзового века Приольхонья: могильник Курма XI: монография / О. И. Горюнова, А. В. Вебер, А. Г. Новиков; отв. ред. Г. И. Медведев. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. С. 256–270.

3. Семенов С. А. Первобытная техника. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 30.

Научный руководитель — канд. ист. наук, ст. препод. Л. В. Зоткина

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА

УДК 902/904

К вопросу о выявлении «спорных» наскальных крашенных изображений (по материалам Минусинской котловины)

Ю. Ю. Благуи

Новосибирский государственный университет

Поиск и выявление изображений является первостепенной задачей в исследованиях наскального искусства. Знание специфических особенностей объекта изучения представляется при этом необходимым. Росписи — «фигуры или знаки, нанесенные за счет привнесения на природные скальные выходы или отдельно лежащие камни нового материала, сухого или влажного пигмента, который также может быть смешан с наполнителями» [1]. Исследователи выделяют два параметра, по которым можно распознать наскальный рисунок — фигуративность и следы преднамеренного изменения состояния поверхности скального субстрата. Степень сохранности последних в некоторых случаях является низкой. Время, различные факторы окружающей среды, антропогенное воздействие негативно влияют на наскальные изображения. Фигуративность также является признаком неустойчивым. Существует множество примеров различных пятен и других элементов, не образующих конкретных образов, выполненных на скальных плоскостях (Пеш Мерль, Капова пещера и др.). Отсутствие или слабое проявление двух этих базовых характеристик наскальных изображений является фактором, позволяющим считать такие рисунки спорными. Таким образом, атрибуция и выявление росписей в настоящее время является актуальным дискуссионным вопросом, требующим, прежде всего, рассмотрения с точки зрения методических приемов исследования.

Рисунки в некоторых случаях трудно обнаружить, поскольку они могут быть перекрыты кальцитовыми натечками, загрязнены или иметь плохую сохранность. Кроме того, отличить естественное окрашивание скальной поверхности от искусственного, если рисунок не образует какой-либо фигуративный образ, достаточно сложно. Для выявления росписей перспективным является метод пигментных карт — цифровой фильтрации фотографий в графическом редакторе Adobe Photoshop, разработанный А. К. Солодейниковым [2].

С помощью этого метода при исследовании Кавказской писаницы (Минусинский р-н Красноярского края) в 2017 г. на одной из плоскостей в нише автором было выявлено три новых рисунка (между 3 и 4 участками), ранее не известных и на настоящий момент не опубликованных. Сохранность изображений плохая, невооруженным глазом их не видно. При наблюдении под микроскопом были обнаружены частицы пигмента, но было не ясно, какой фигуративный образ представлен.

На памятнике Бугаев лог (Боградский р-н Республики Хакасии) в 2016 г. на плоскостях 3 и 4 было выявлено три зооморфных изображения, выполненных твердым сухим пигментом светло-красного цвета (Манселл 10 R 5/4). Изображения плохой сохранности. Наблюдение с помощью микроскопа и описание рисунков позволяют предполагать их искусственное происхождение, а пигментная карта — зафиксировать.

При исследовании Потрошиловской писаницы (Минусинский р-н Красноярского края) на плоскости 1 при визуальном осмотре было обнаружено четыре пятна, выполненных красным красителем (Манселл 10 R 5/3) и покрытых сверху современной белой краской. При помощи микроскопа отчетливо прослеживаются гранулы пигмента, частицы которого находятся в порах скальной поверхности, что свидетельствует о выполнении рисунков жидким красителем [3]. Применение пигментной карты позволило более отчетливо их представить. На плоскости 2 было обнаружено окрашивание поверхности, которое также фиксируется на пигментной карте, но не представляет конкретного фигуративного образа. Естественное или искусственное это изменение поверхности — сказать сложно, так как гранулы пигмента отчетливо не прослеживаются.

Отличить ожелезнение скальной поверхности от следов привнесения на нее красящих веществ с уверенностью можно только с помощью применения физико-химических методов. Так, использование электронной микроскопии с рентгеновским микроанализом А. С. Пахуновым при изучении каракольской плиты (погребение 3, курган 2) позволило выявить, что темная дугообразная линия бурого цвета на плоскости является ожелезнением скальной поверхности.

Выявление и атрибуция «спорных» наскальных крашенных изображений возможна при использовании методов цифровой фильтрации, физико-химических методов и визуального осмотра плоскостей с рисунками с помощью микроскопа. На данном этапе исследования вопрос фиксации отличий естественного и искусственного окрашивания поверхности при помощи микроскопа требует дальнейшей разработки.

1. Гиря Е. Ю., Дзвлет Е. Г. Об исследовании техники изображений на скалах // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. Вып. 1(35). С. 158–178.

2. Миклашевич Е. А., Солодейников А. К. Новые возможности документирования наскальных изображений, выполненных краской (на примере Кавказской писаницы в Минусинской котловине) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. Вып. 1(5). С. 176–191.

3. Благуи Ю. Ю., Зоткина Л. В. К вопросу о методике описания крашенных изображений // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Том 16. Вып. 7: Археология и этнография. С. 39–49.

Научный руководитель — канд. ист. наук, ст. препод. Л. В. Зоткина

**Литейные пороки как источник по изучению
металлообрабатывающего производства ирменской культуры
Обь-Иртышского междуречья**

Д. Н. Бобин

Новосибирский государственный педагогический университет

При визуальном исследовании литых бронзовых изделий значительную информацию о особенностях древнего литейного производства дает анализ литейного брака. На данный момент накоплен и обобщён значительный объем информации о причинах и закономерностях возникновения литейных дефектов [1, 2]. Понятие литейного брака в древности в значительной степени отличалось от современного, требования к литейной продукции были невысокими, и изделия с дефектами, позволявшими использовать их по назначению, не выбраковывали [2]. Вследствие этого литейные дефекты являются одним из наиболее массовых и достаточно информативных источников для реконструкции архаических производств.

В процессе исследования проанализированы материалы с ирменских памятников Танай-7, Милованово-1, Милованово-3, Иня-9, Спирино-1. По функциональному назначению весь рассматриваемый бронзовый инвентарь можно разделить на две группы: орудия труда и украшения.

Орудия труда представлены серией ножей из 13 экземпляров (11 целых и два обломка лезвий).

Украшения — наиболее многочисленная группа бронзового инвентаря, она представлена 10 браслетами, 11 гвоздевидными подвесками и 31 полусферической бляхой-пуговицей.

Проведенный трасологический анализ отливок данной серии позволил выявить несколько категорий литейного брака.

Перекосы в плоскости литейного шва вызваны по всей видимости недостаточно надежным креплением створок литейной формы или ошибками при её центровке [1, 2]. Данные пороки фиксируются практически на всех ножах с могильников Танай-7 [3] и Спирино-1 (музей НГПУ № 99/3), а также гвоздевидных подвесках из памятников Танай-7 и Милованово-1 [4].

Недоливы (не полностью выполненные конфигурации отливок) фиксируются на ноже с монетовидным навершием и полусферических бляшках-пуговицах из могильника Танай-7 [3] и поселения Милованово-3. Этот дефект свидетельствует о низкой температуре заливки и плохой жидкотекучести металла.

Заливы в виде металлических наростов на поверхности изделий зафиксированы на ножах из могильников Танай-7 и Спирино-1. По всей видимости заливы образовались вследствие слабого крепления створок.

Газовые раковины и газовая пористость прослеживается на поверхности практически всех исследованных нами изделий. Внутренние газовые раковины зафиксированы нами в одном случае на сломе ножа из могильника Танай-7. Образованию раковин обычно способствует малая жидкотекучесть металла, низкая газопроницаемость формы и недостаточный напор при заливке [1, 2].

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет сделать некоторые выводы об особенностях литейного производства ирменской культуры.

Створки форм крепились недостаточно жестко, видимо, при помощи обвязки или зажимов. По всей видимости, просушка форм так же была явно недостаточна.

Температура заливаемого металла была достаточно низкой и не обеспечивала вывода литейных газов и качественного заполнения рабочей камеры формы. Видимо, в большинстве случаев металл плавил в открытых очагах, а не в специализированных горнах. Возможно, формы перед заливкой не прогревали.

Ирменское литейное производство также характеризует минимальная доработка готовой продукции, не предполагавшая удаления заливок, заглаживания швов, а очень часто и обломку литников.

1. Атлас литейных пороков. Классификация, пороки общего типа, пороки отливок из серого чугуна. М.: Центральное бюро технической информации, 1957. Т. 1. 194 с.

2. Дураков И. А. Методика изучения изделий из цветного металла / Учебный справочник. Новосибирск: НГПУ, 2013. С. 118.

3. Дураков И. А., Мыльникова Л. Н. Технология изготовления бронзовых изделий с могильника Танай-7 // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2004. № 3. С. 106–120.

4. Новикова О. И. Могильник ирменской культуры Милованово-1 // Археология вчера, сегодня, завтра. Новосибирск: НГПУ, 1995. С. 41–52.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. И. А. Дураков

**Татуировки на телах мумий пазырыкской культуры:
к вопросу о гендерных отличиях**

Н. Р. Дьяков

Алтайский государственный педагогический университет,
г. Барнаул

Цель данной публикации — введение в научный оборот результатов исследования гендерных отличий в размещении татуированных изображений на телах номадов скифо-сакского времени Алтая. Источниковую базу работы составили шесть мумий из мерзлотных погребений пазырыкской культуры.

1. Останки мужчины из второго пазырыкского кургана. Кожный покров во многих местах значительно поврежден грабителями, однако большую часть изображений разобрать удастся [1–3].

Правая рука: татуировка присутствует на большом пальце [4, 6], предплечье и плече [1–3].

Левая рука: татуировка присутствует на предплечье, на плече, кожный покров на кисти поврежден грабителями [1–3].

Туловище: татуировка присутствует на груди и на спине [1–3].

Правая нога: татуировка присутствует на поверхности от щиколотки до колена [1–3].

Левая нога: татуировки присутствуют, кожный покров сильно поврежден грабителями, уцелевшие участки не дают возможности разобрать изображения [1].

2. Останки женщины из второго пазырыкского кургана. Кожный покров поврежден во многих местах [1, 2].

Правая рука: татуировка присутствует на плече, остальной кожный покров от кисти до предплечья поврежден [4, 6].

Левая рука: татуировка присутствует на кисти, на плече [4, 6].

Туловище: татуировки отсутствуют [4, 6].

Правая и левая ноги: татуировки отсутствуют [4, 6].

3. Останки мужчины из пятого пазырыкского кургана. Кожный покров сохранился хорошо за исключением некоторых частей, где присутствуют складки и швы [4, 6].

Правая рука: татуировка присутствует на большом пальце, предплечье [4, 6].

Левая рука: татуировка присутствует на большом пальце и на плече [4, 6].

Туловище: татуировка присутствует на груди и на спине [4, 6].

Правая нога: татуировка присутствует на щиколотке [4, 6].

Левая нога: татуировка присутствует на щиколотке [4, 6].

4. Останки женщины из пятого пазырыкского кургана. Кожный покров сохранился хорошо [4, 6].

Правая рука: татуировка присутствует на предплечье [4, 6].

Левая рука: татуировка присутствует на большом пальце и на предплечье [4, 6].

Туловище: татуировки отсутствуют [4, 6].

Правая и левая ноги: татуировки отсутствуют [4, 6].

5. Тело мужчины из третьего кургана могильника Верх-Кальджин-2 на плато Укок [5].

Правая рука: татуировка присутствует на плече [5].

Левая рука: татуировки отсутствуют, кожный покров от кисти до плеча поврежден [5].

Туловище и ноги: татуировки отсутствуют [5].

6. Тело женщины из первого кургана могильника Ак-Алаха-3 на плато Укок [5].

Правая рука: татуировка присутствует на большом пальце, остальной кожный покров от кисти до плеча поврежден [5].

Левая рука: татуировка присутствует на предплечье, на плече, часть кожного покрова на плече повреждена [5].

Туловище: татуировки отсутствуют [5].

Правая и левая ноги: татуировки отсутствуют [5].

Анализ татуированных изображений на кожных покровах мумий из погребений пазырыкской культуры, позволил выявить общее и особенное в их размещении на мужских и женских телах. К первому можно отнести наличие татуировок на правой и левой руке от кисти до плеча, так как это характерно для мумий обоих полов, ко второму — наличие татуировок на груди и спине, а также на правой и левой ногах, что характерно только для мумий мужского пола.

1. Руденко С. И. Древнейшая «скифская» татуировка // Советская этнография. 1949. № 3. С. 133–143.

2. Руденко С. И. Второй Пазырыкский курган. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1948. 64 с.

3. Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР, 1953. 402 с.

4. Баркова Л. Л., С. В. Панкова. Татуировки на мумиях из Больших Пазырыкских курганов (новые материалы) // АЭАЕ. 2005. № 2 (22). С. 48–59.

5. Полосьмак Н. В. Татуировка у пазырыкцев // АЭАЕ. 2000. № 4. С. 95–102.

6. Баркова Л. Л., Панкова С. В. Татуировки на мумиях из Пазырыкских курганов в инфракрасных лучах // Вестник истории, литературы, искусства. 2006. Т. 3. С. 31–42.

Научный руководитель — А. Н. Телегин

История изучения памятников археологии Курчумского района Восточного Казахстана в дореволюционное и советское время

Б. М. Жарылғасынова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
г. Алматы, Казахстан

Курчумский район Восточного Казахстана богат археологическими памятниками, однако является одним из малоизученных изученных регионов. Первые научные экспедиции по изучению Восточного Казахстана начинаются с 1733–1743 гг. В ходе экспедиции в 1734 г. на берегах р. Иртыша и Ульбы Г. Ф. Миллер обнаружил несколько курганов [1]. В 1793 году И. Сиверс предоставил информацию о двух курганах, относящихся к кочевой культуре, в которых был похоронен хозяин вместе с лошастью, в местности Долан-Кара, у подножия Нарымского хребта в верховьях реки Курчум [2].

Вторая академическая экспедиция была организована царскими чиновниками. В 1768–1774 гг. П. С. Паллас, И. П. Фальк, И. Г. Гмелин, Х. Барданес также собрали информацию о древних курганах на берегах р. Иртыш [3].

С 1883 по 1895 гг. П. Новопашин проводил исследование в районе р. Бала Калжир. При раскопках каменного кургана был зафиксирован скелет человека с повернутой на восток головой с поясным набором с золотыми застежками [2].

В 1911 г. во время исследовательской поездки от Семипалатинска до Маркаоля археолог А. В. Адрианов описывает памятники археологии [4].

В послереволюционный период с 1935 по 1953 гг. С. С. Черников проводил исследование археологических памятников Южно-Алтайского края и выявил, что есть древние курганы вдоль р. Калжир и Иртыш [5].

Большой вклад в изучение внес А. М. Оразбаев, который в 1958 г. руководил Бухтарминской археологической экспедицией, целью которой являлось полное исследование археологических памятников вдоль р. Иртыш. Кроме того, он руководил Зайсанской экспедицией в Курчумском, Самарском и Уланском районах Восточного Казахстана. Археологические раскопки проводились в горных могильниках Чиликарын, Кокжар и Аманат.

В 1981 г. археологическая экспедиция Восточно-Казахстанского областного краеведческого музея во главе с Ф. Х. Арслановой изучает 20 курганов [6]. Своей статье «Бронзовые котлы из музеев Восточно-Казахстанской области» Ф. Х. Арсланова и А. А. Чариков дали научное описание находкам, которые были случайно обнаружены в краеведческом музее Курчумского района [7].

С 1985 по 1988 гг. под руководством А. М. Оразбаева неподалеку от с. Акбулак вдоль р. Калжир были произведены раскопки курганов ранне-

кочевнического времени. Археологические раскопки были также произведены в Курчумском и Маркакольском районах Восточного Казахстана. В ходе разведочных работ в 1986 г. были обнаружены памятники вблизи поселков Архиповка, Калжир, Бала Калжир, Бесоба, Кароба, Акжайлау, Акбулак и Тоскайын. В результате исследования в горных долинах и речных равнинах было выявлено 487 курганов, 26 из которых относятся к раннему железному веку [8].

В 1971–1983 гг. З. С. Самашев изучал наскальные рисунки Курчумского района, опубликованные в монографии ученого. Это памятники изобразительного искусства, относящиеся к эпохе бронзы, раннего железного века, древнетюркскому времени [9].

1. *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М.; Л.: АН СССР, 1937. Т. 1. 607 с.

2. *Омаров Ф. Қ.* Күршім ауданының археологиялық ескерткіштері (2012 жылғы археологиялық зерттеу жұмыстары). Алматы: Қазақ университеті, 2014. 148 б.

3. *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч. 1. Кн. 1; СПб., 1876. Ч. 2. Кн. 2; СПб., 1788. Ч. 3.

4. *Адриановъ А. В.* Къ археологіи Западнаго Алтая (изъ поездки въ Семипалатинскую область въ 1911 г.) // Известія императорской археологической комисіи. Петроградъ, 1916. Вып. 62. С. 1–94.

5. *Черников С. С.* О работах Восточно-Казахстанской экспедиции // КСИИМК. М.: АН СССР, 1956. № 64. С. 43–60.

6. *Арсланова Ф. Х.* Работы в Восточном Казахстане // Археологические открытия 1981 года. М.: Просвещение, 1983. С. 430–431.

7. *Арсланова Ф. Х., Чариков А. А.* Бронзовые котлы из музеев Восточно-Казахстанской области // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово: КемГУ, 1980. С. 147–155.

8. *Оразбаев А. М., Омаров Г. К.* Некоторые итоги археологического исследования Восточного Казахстана // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия. Алматы, 1998. С. 9–71.

9. *Самашев З. С.* Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата: Гылым, 1992. 288 с.

Научный руководитель — Б. Б. Бесетаев

Таштыкский грунтовый могильник Чегерак: общая характеристика памятника и особенности погребального обряда

Е. А. Журавлева

Новосибирский государственный университет

Опираясь на материалы предшественников (С. В. Киселева, Л. Р. Кызласова, М. П. Грязнова) и собственные наблюдения, Вадецкая Э. Б. обобщила в своей работе обширный материал, посвященный таштыкской культуре. В силу объективных причин в её работу не вошли сведения о грунтовом могильнике Чегерак, который был исследован полностью сплошными раскопками в период 1985–1992 гг. [4].

Одной из топографических особенностей грунтовых могильников является их размещение на небольших возвышенностях. Могильные ямы выкапывались от 1,5 до 2,5 м в глубину, в них устанавливали срубы в 1–3 венца. В некоторых случаях под нижние бревна подкладывали камни, чтобы выровнять сруб. Пол устилали берестой, а сверху срубы закрывали деревянным перекрытием. В этом отношении Чегерак не отличается от других таштыкских памятников. Он расположен на небольшой песчаной гриве на берегу Енисея. Могильные ямы (2 × 2 м и глубиной до 2 м) расположены несколькими рядами, протянувшимися в направлении с юга на север. Под нижние бревна деревянных срубов укладывали плиты девонского песчаника, пол застилали берестой. Зафиксированы остатки перекрытий, потревоженные грабителями.

Для таштыкской культуры исследователи выделяют несколько способов захоронения: труположение (первичные, вторичные, парциальные, погребения мумифицированных тел) и трупосожжение. Все эти способы захоронений встречаются на грунтовом могильнике Чегерак.

На территории могильника, как и на других таштыкских кладбищах, присутствуют одиночные, парные и коллективные захоронения (от 3 до 5 человек). Реже встречаются одиночные погребения, когда тело укладывали вытянуто на спине, руки вдоль туловища, голова ориентирована на восток. При этом, как отмечается в литературе [1], на большей части таштыкских памятников умерших укладывали головой на запад.

Стоит отметить ещё одну особенность погребальной обрядности, характерной для могильника Чегерак: погребальный инвентарь (прежде всего керамические сосуды) располагался в районе головы умершего.

Опираясь на разработанные классификации, керамический инвентарь можно разделить на три типа [2]: плоскодонные, круглодонные и сосуды на поддонах. Практически на всех трех типах сосудов фиксируются следы использования (следы нагара, повреждения венчиков, следы ремонта).

Отличительной чертой погребального памятника является сопровождение умерших крайне малочисленными изделиями из бронзы. Обнаружено зеркало округлой формы диаметром 7,5 см с креплением на обратной стороне и пряжка с неподвижным щитком, длиной 5 см, без орнамента, отличающаяся от типично таштыкских «псевдопряжек». Из железа были изготовлены наконечник стрелы (длина 7 см, группа — плоские, тип — вытянуто-прямоугольный) и крючок (2,8 × 0,7 см, возможно, рыболовный). Оба изделия имеют плохую сохранность. Вторичные погребения зафиксированы в центральной части могильника. Они представляют собой скопления костей скелетов людей и животных без сохранения анатомической целостности.

В погребальной обрядности таштыкцев прослеживается архаическая традиция захоронения детей на окраине погребальных комплексов. Однако на могильнике Чегерак захоронения подростков были обнаружены в срубах вместе с взрослыми, а также в отдельных могилах, расположенных в непосредственной близости с могилами взрослых. Погребения детей и подростков также содержали инвентарь, встречавшийся в захоронениях взрослых. Сопроводительная пища в детских погребениях помещалась как правило в ноги. В одном случае в ногах у подростка был зафиксирован частично нарушенный скелет овцы.

Грунтовые могильники относятся исследователями к первому этапу таштыкской культуры. Вадецкая Э. Б. датирует их I–IV вв. н. э. [1]. Проведенное дендрохронологическое исследование сруба из сектора 30 грунтового могильника Чегерак относится к хронологическому интервалу 270–376 гг. н. э. [5]. Это позволяет отнести время формирования погребального памятника Чегерак к завершающему периоду батенёвского этапа [3].

1. Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1999. 440 с.

2. Вадецкая Э. Б., Поселянин А. И. Таштыкский погребально-поминальный комплекс Белый Яр 3. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2015. С. 41–43.

3. Грязнов М. П. Миниатюры таштыкской культуры. Из работ Красноярской экспедиции 1968 г. // АСГЭ. Л.: Аврора, 1971. № 13. С. 94–106.

4. Скобелев С. Г., Митько О. А. Работы в Красноярском крае // Археологические открытия 1985 года. М.: Наука, 1987. С. 281–282.

5. Слюсаренко И. Ю., Сафронова М. А., Скобелев С. Г., Митько О. А. Опыт комплексного датирования древесины из погребений таштыкских могильников Маркелов мыс II и Чегерак // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 390–394.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доцент О. А. Митько

Погребальная обрядность бронзового века на Корейском полуострове

Ким Гынми

Новосибирский государственный университет

Цель исследования — изучить погребальную обрядность бронзового века на Корейском полуострове по данным антропологии. Хронологические рамки: I тыс. лет до н. э. — I в. до н. э.

Всего известно 11 памятников, где обнаружен антропологический материал [1]. Это 4 памятника в районе Чинджу Тэпхён-ри (Оын, участок 1; Окбан, участок 4; Окбан, участок 5; Окбан, участок 7), на которых найдено по 1 могиле; 2 могилы на памятнике Сачхон Пончхон-ри; костяк в жилище в Пхохан Ходон; 2 могилы в Пхёнтхэк Тходжин-ри; 1 могила в Ансон Маджон-ри; 2 погребения в Масан Чиндон; 15 погребений в Тэгу Тальсон Пхёнчхон-ри; костяк в жилище в Кёнджу Чхонгун-дон.

На памятниках в районе Чинджу Тэпхён-ри погребенные были захоронены в каменных ящиках по обряду труположения. Двое из них в скорченном положении, двое в вытянутом. Ориентация южная либо юго-восточная. У погребенной в каменном ящике Окбан (участок 7) отсутствовал череп. Причем это было сделано преднамеренно (так как никаких следов костей черепа в могиле не было) в рамках погребального обряда. На памятнике Сачхон Пончхон-ри найдены два погребения (№ 1 и № 2) в каменных ящиках, в которых было по одному костяку. Могилы были расположены рядом. Погребенные ориентированы на юго-восток, лежали на спине в вытянутом положении. В могиле № 2 обнаружены зубы, не принадлежавшие погребенному там человеку. Вероятно, в процессе погребального обряда, эти зубы были помещены в могилу, для чего были сначала вырваны у живого человека. Подобный обряд фиксировался на Корейском полуострове, на Японских островах. В Пхохан Ходоне два костяка найдено в жилище № 29. Жилище сгорело. Кости находились рядом с центром юго-западной стенки. На костях видны следы воздействия огня. Погребенные ориентированы на север и лежали, вероятно, на спине. Возможно, в процессе обряда после того, как было произведено захоронение, было сожжено и жилище. На памятнике Пхёнтхэк Тходжин-ри найдено 2 скелета в каменном ящике и в могиле с каменной плитой. Останки в обеих могилах были со следами воздействия огня, возможно, специально кремированы. На памятнике Ансон Маджон-ри останки погребенного обнаружены в каменном ящике. Судя по состоянию костей, вероятно, сначала была проведена кремация на стороне, потом кости собрали и поместили в каменный ящик.

На Масан Чиндон костяки имелись в курганном захоронении и в каменном ящике. В кургане также был каменный ящик, покрытый каменными плитами. Кости были плохой сохранности, но, вероятно, погребенный был ориентирован на восток. Поза погребенного в каменном ящике, который располагался рядом с курганом, скорченная.

Крупный памятник располагался в Тэгу Тальсон Пхёнчхон-ри. Всего было исследовано 28 погребений, в 15 из них был обнаружен антропологический материал. Погребения расположены в 4 ряда параллельно ручью, который поблизости течет на север. Погребённые ориентированы на восток, юг, север, поэтому не просматривается какой-то закономерности. Позы погребенных встречаются и вытянутые, и скорченные, скорченных больше. У большого количества погребенных лицо направлено на правую сторону, нижние конечности согнуты в правую сторону.

В Кёнджу Чхонгун-дон найдено 2 костяка в жилище № 5. Жилище № 5 в плане подпрямоугольное, его длинная часть вытянута по линии запад-восток. Костяки располагались следующим образом: один рядом с северной стенкой (погребенный № 1), другой (погребенный № 2) в северо-восточном углу. Погребенные располагались на расстоянии 1 м друг от друга. Кости погребенных со следами воздействия огня. Позу можно установить лишь в случае с погребенным № 1, от погребенного № 2 остались лишь фрагменты черепа. Погребенный № 1 ориентирован на восток, похоронен в вытянутом положении. Но, судя по расположению черепа и нижних конечностей, он лежал не на спине, а скорее на своем левом боку (западная сторона скелета). По всей видимости, захоронение происходило в момент, когда жилище уже не функционировало и погребенных поместили рядом со стенкой.

В бронзовом веке на Корейском полуострове, судя по тому антропологическому материалу, который сохранился, были распространены трупоположения по первичному обряду и кремация. Причем скорее всего, в случае с кремацией происходило также кремирование оставшихся останков после выставления. Основной тип погребальных сооружений, в которых имелись костные останки, — каменные ящики. В отдельных случаях костные останки обнаруживались в жилищах. Причем захоронения происходили, судя по всему, уже после того, как жилища прекращали функционировать. Ориентация погребенных в основном южная, юго-восточная, реже восточная. В жилищах могла быть северной.

1. Специализированный археологический словарь по корейской археологии — бронзовый век (хангуккогахакчонмунсаджон — чхондонгисидэ). Тэджон: Куннипмунхваджэёнгусо, 2004. CD. (на кор. яз.).

Научный руководитель — канд. ист. наук, доцент С. В. Алкин

Раскроечные ножи эпохи поздней бронзы Западной Сибири

И. А. Кравченко

Новосибирский государственный педагогический университет

Одной из часто встречающихся категорий инвентаря памятников ирменской культуры являются обломки лезвий бронзовых ножей. Такие изделия встречаются практически на всех крупных могильниках этой культуры (Журавлево-4, Танай-7, Спирино-1, Милованово-1 и т. д.). Ряд исследователей считают, что нахождение таких обломков ножей носит ритуальный характер, так как большинство из лезвий имеют следы умышленной поломки, и уже в сломанном виде они были положены в могилу и тем самым являлись заменой целого предмета. [1]. Однако в материалах культур позднебронзового времени нами выявлена серия составных орудий, позволяющая предложить иную интерпретацию использования данной категории инвентаря.

Одно изделие было обнаружено в 1999 г. Е. М. Евтеевой. на территории ирменского поселения Усть-Алеус-6 Ордынского района Новосибирской области при исследовании памятника

Орудие состояло из бронзового подпрямоугольного лезвия, вмурованного в керамическую рукоятку в виде овалоида, слегка сужающегося к рабочей части. Лезвие представляло собой обломок пластинчатого ножа размером $1 \times 2,3$ см, размеры рукоятки — $7,5 \times 4 \times 3$ см. По всей её поверхности заметны следы сильной залощенности от рук мастера и соприкосновения с каким-то мягким материалом.

Рентгеноскопия изделия показала, что металлическое лезвие углубляется в рукоятку не более чем на 1,2 см. Также было выявлено наличие трещин, возникших при расшатывании рабочей части при использовании. Направление приложения основного усилия при работе было вдоль основной оси, т. е. орудие прижимали к разрезаемому материалу вертикально с легким наклоном вправо или влево.

Изготовление изделия реконструируется следующим образом. По всей видимости, рукоятка была вылеплена из керамической формовочной массы, в него был вмурован обломок лезвия ножа, после чего вся конструкция была высушена и обожжена.

Исходя из формы орудия и следов его износа можно предположить, что это скорняжный или портняжный раскроечный нож.

Второе изделие этого же типа было найдено в 2004 г. на поселении Крохалёвка-7Б (Коченёвский район Новосибирской области) при шурфовке памятника В. А. Суминым [2]. Данную находку сопровождала керамика еловской культуры, что позволило датировать ее эпохой поздней бронзы.

Аналогичное изделие представляет собой керамическую рукоять подовальной формы. На её поверхности прослеживается прочерченный орнамент в виде ленты из последовательно расположенных треугольников. Такая орнаментация широко представлена как в еловских, так и в ирменских керамических комплексах. На боковой грани прослежено углубление размером 1,3 см от несохранившегося узкого прямоугольного лезвия. Величина рукояти составляет $4,9 \times 2,9 \times 1,3$ см.

Стоит отметить, что рукояти вышеописанных раскроечных ножей — достаточно хрупкие изделия и в процессе использования должны были довольно быстро разрушаться. Возможно, именно этим объясняется значительное количество обломков небольших керамических шаров и овалоидов, найденных на всех крупных ирменских и позднеирменских поселениях: Омь-1, Быстровка-4, Милованово-3, Большой лог, Туруновка-3, Чича-1 [3, 4].

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что часть обломков пластинчатых ножей в могилах ирменской культуры носят вовсе не ритуальный характер, а являются частью составного раскроечного ножа. Большое количество обломков керамических овалоидов объясняется хрупкостью рукояти данного типа ножа. Также следует отметить, что наряду с керамическими рукоятями, видимо, могли использоваться и деревянные. Этим объясняется большое количество находения на могильниках обломков лезвий бронзовых ножей с несохранившимися рукоятками.

1. Дураков И. А., Мьльникова Л. Н. Технология изготовления бронзовых изделий с могильника Танай-7 // Археология, этнография и антропология Евразии. № 19. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. С. 106–120.

2. Сумин В. А., Евтеева Е. М., Ануфриев Д. Е., Росляков С. Г. Археологические памятники Коченёвского района Новосибирской области. Новосибирск: Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области. 272 с.

3. Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. 3. 248 с.

4. Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доцент И. А. Дураков

Култ огня в погребальном обряде одиновской культуры Центральной Барабы

А. А. Ларочкин, И. В. Рюмин

Новосибирский государственный педагогический университет

С момента выделения в 2008 г. В. И. Молодиным одиновской культуры прошло десять лет. За этот период им был накоплен и опубликован значительный материал, позволяющий реконструировать погребальный обряд этой культуры. Обращает на себя внимание вариабельность и нестабильность отдельных его элементов, в частности использование в погребальном обряде огня. С одной стороны могилы с признаками огня присутствуют на всех крупных могильниках культуры (Сопка-2/4А, Тартас-1, Абрамово-11), с другой – их количество всегда незначительно. На Сопке 2/4А из 164 погребений признаки культа огня можно проследить только в 22 (что составляет 13,4 %) [1]. На Абрамово-11 — в 4 из 17 (23,5 %) [2].

Можно выделить три варианта использования огня в одиновском погребальном обряде: кремация погребенных, обожжение могильной ямы, помещение в могильную яму угля и охры.

Встречается два типа кремации: сожжение «на стороне» и непосредственно в могильной яме. К первому типу относятся три погребения (№ 255, 546, 589) из могильника Сопка-2/4А. В двух случаях (погр. 255 и 546) скелеты частично обожжены и сохраняют анатомическое положение. В могиле 589 погребенный сожжен полностью, мелкие кальцинированные фрагменты его костей перемешаны с костями птицы и животного.

Следы сожжения в могильной яме имеют четыре погребения (№ 189, 209, 266, 563) могильника Сопка-2/4А и два (№ 7 и 17) из Абрамово-11. Во всех случаях фиксируется частичное обожжение, чаще всего грудной клетки, таза и ног.

Обожжение только могильной ямы обнаружено в семи погребениях могильника Сопка-2/4А. В шести случаях следы огня фиксировались в заполнении могил в виде черной пережжённой земли, древесного угля и сажки. В могиле № 559 огонь был разведен в ногах погребенного, однако участок прокаленной почвы не доходил до костей скелета.

К культу огня можно отнести и использование в погребальном обряде охры, так как она семантически связана с огнем или кровью. Всего обнаружено девять погребений со следами ее использования: семи на Сопке-2 и два на Абрамово-11. Использование углей зафиксировано в семи погребениях Сопки-2. Как правило, куски угля или охры расположены в районе кистей рук или около головы погребенного.

Следует отметить, что погребения с признаками использования огня памятника Сопка 2/4А имеют половозрастную дифференциацию: среди обнаруженных скелетов доля женщин составила 29,4 %, доля мужчин 29,4 %, детей 11,7 %. У 29,4 % погребенных пол определить не удалось. Среди погребений со следами охры доля женщин составила 38,5 %, доля мужчин 38,5 %, детей 23 %.

На плане могильника Сопка 2/4А видно, что одинаовские погребения с признаками использования огня в погребальном обряде локализуются по периферии основного массива погребений. Такое расположение может означать наличие какой-либо практикующей огненные культы обособленной группы (социальной, религиозной или родовой). На плане могильника Абрамово-11 данной закономерности не наблюдается, что, возможно, связано с малой выборкой материала.

Таким образом, выделяются три варианта использования огня в погребальном обряде: кремация (9 погребений), обожжение могильной ямы (7 погребений), использование углей и охры (16 могил).

Разведение костерка на грудной клетке и/или на бедрах и ногах погребенного, обожжение пустой могилы скорее указывают на очистительный, охранный характер этого действия. Полная кремация умершего, что могло бы указывать на огонь как на средство перемещения в загробный мир, встречена только один раз.

Использование огня в погребальной практике одинаовской культуры оказало значительное влияние на генетически связанную с ней кротовскую, в которой сохраняются все характерные для одинаовцев варианты его применения.

Аналогии этому можно найти в кротовском могильнике Ростовка в Омской области, в котором кремация встречалась в 18,4 % погребений, а присутствие огня в заполнении могил в 60,5 %. На другом памятнике кротовской культуры Сопка-2/4Б следы частичной кремации встречаются в 3 погребениях из 250, что составляет только 1,2 %.

1. *Молодин В. И.* Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одинаовской культуры. Новосибирск, 2012. Т. 3. 220 с.

2. *Соболев В. И., Панфилов А. Н., Молодин В. И.* Кротовский могильник Абрамово-11 в Центральной Барабе // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск, 1989. С. 37–51.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. И. А. Дураков

Research of burial grounds of the bronze age of the Southern Kazakhstan

B. Muhambetsalyuly

Al-Farabi Kazakh national university, Almaty, Kazakhstan

The article considers the history of the archaeological sites of the Bronze Age in southern Kazakhstan.

S. A. Teploukhov first introduces the notion of “Andronovo Culture” in his work in 1929. The first step towards the study of the Bronze Age was to identify the characteristic features of this culture and to make its classification.

In 1948, K. V. Salnikov divides the Andronovo culture monuments into three stages: 1) the Fedorovo phase (the middle of the 2nd millennium BC); 2) the Alakul phase (11–9 centuries BC); 3) the Zamaraev phase (8–7 centuries BC). It has made a significant contribution to the study of the Bronze Age. Later K. V. Salnikov moves the Alakul phase up to 14–11 centuries BC, and the Zamaraev phase to 10–8 centuries using the new data.

In 1959 A. M. Orazbaev divides the bronze monuments of Northern Kazakhstan into three stages using the work of Soviet scientists and research of Ural: 1) Fedorovo, 2) Alakul, 3) Zamaraev. He argued that the Zamaraev phase coincides with the unique culture of the Ural, West and North Kazakhstan regions, and Karasuk in Yenisei and the Begazy-Dandybay culture in Central Kazakhstan [1].

The study of Bronze Age is uneven in all regions of Kazakhstan. It is now possible to notice from objects and habitats found in discovered and explored monuments that people in Bronze Age had an appropriate standard of living. Thus, everywhere in Kazakhstan there are different peculiarities and differences [2].

In 1957–1959 years A. G. Maksimova discovers the Tartary mound and conducts research. It is located on the northern slope of Karatau, to 7 km south-east of Baba-Ata, in the Tau-tary gorge. These tombs are found in the area of Zhamantogay. At the burial site, in addition to the ceramic vessels, there are also found a bronze knife and a four-sided awl [3]. The Tautary mound plays an important role in analyzing the monuments of the Bronze Age in South Kazakhstan.

One of the monuments of the Bronze Age of South Kazakhstan are Tugusken Mausoleums. This monument is located on the dry shore of the ancient Syrdarya, on the height of Tugusken. In 1959 S. P. Tolstov opens two mounds here. These mounds are located close to each other on both sides of the hill, on the south and on the north.

The member of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition M. A. Itina conducts research in northern Tugusken in 1960–1963 [4].

The methods of construction of grave mausoleums are similar to the structures of the Aral region. This shows that two sedentary peoples have a close relationship. The construction of the grave mausoleums dates back to the 10–8 centuries BC. Many works of S. P. Tolstov and M. A. Itina are published in connection with this monument [4].

Kuyuk Kurgan is located in Zhanakorgan district of Kyzylorda region in the western part of Karatau, on the northern bank of the dried Besarik river, in the Kuyruk ridge. Here, K. Akishev, member of the southern Kazakhstan archeological expedition, conducts research in 1970 [5].

In 1968–1971 the Karatau detachment led by M. K. Kadyrbaev, a complex archaeological expedition in Southern Kazakhstan, conducts a research in Big Karatau and finds a set of Koybagar petroglyphs dating back to the Bronze Age. They refer these petroglyphs to the middle of the 2 millennium BC and the end of the 1st millennium.

In the 1990 A. A. Rustemov publishes his research on the study of the Bronze Age of southern Kazakhstan. There he examines the works of scientists such as A. G. Maksimova, K. Akishev, A. Orazbaev.

In 1998 K. M. Karabaspakova considers the problems of archaeological monuments belonging to the Bronze Age of southern Kazakhstan in his dissertation [6].

In general, the study of monuments of the Bronze Age on the land of Kazakhstan has lagged behind for many years. The studies which date back to the second half of the 20th century shows the cultural and historical ties between the Bronze Age culture in southern Kazakhstan and its neighboring regions. Minor unique materials have suggested that in the future, the Bronze Age of southern regions still needs to be explored.

1. *Kurmankulov Zh. K., Baigunakov D. S.* Kazakhstannyn kola dauiri [Bronze Age of Kazakhstan]. Almaty, 2008. P. 7–67.

2. *Kadyrbaev M. K., Maryashev A. N.* Naskalnye izobrazheniya hrebta Karatau. Almaty, 1977. P. 5–13.

3. *Maksimova A. G., Mershhiev M. S., Vajenberg B. I., Levina L. M.* Drevnosti Chardary. Almaty, 1968. P. 5–10.

4. *Itina M. A., Yablonski L. T.* Mavzolej Severnogo Tagiskena. M. 2001. P. 5–9.

5. *Akishev K.* Novye andronovskie pamyatniki v Karatau // AO 1976 goda, M., 1977. P. 505–506.

6. *Karabaspakova K. M.* Zhetysy i Yuzhnyi Kazahstan v yepohu bronzy. — Almaty, 2011. 220 p.

Supervisor — Senior teacher S. A. Sapataev

Ритуальное расчленение трупов в погребальном обряде Усть-Тартасской культуры

С. С. Нестеров

Новосибирский государственный педагогический университет

Проблематика погребального обряда, его характерные черты, основные элементы, эволюция всегда являются интереснейшими вопросами в отечественной археологии и историографии. Усть-Тартасская культура исследуется уже довольно давно. Она была выделена В. И. Молодиным в 2001 г., сформировалась в V в., бытовала в IV — первой половине III тыс. до н. э. На данный момент обнаружены и исследованы такие памятники, как могильники Сопка-2/3, 3А, известны отдельные погребения на памятниках Гришкина Заимка, Крючное-6, Крохалевка-13, Тартас-1, а также могильник Усть-Тартасс-2 [1, 2].

Уже в начале исследования данной культуры была дана характеристика погребального обряда. Он многовариативен, однако одним из самых ярких элементов обряда является расчленение трупов. Практически на всех памятниках Усть-Тартасской культуры можно увидеть различные посмертные манипуляции.

Так на памятнике Усть-Тартасс-2 в погребении № 17 были найдены останки трех человек — одного мужчины и двух женщин. Мужчина лежал в вытянутом положении на спине. На него сверху была положена женщина с отсеченными кистями рук. Вторая женщина представлена только черепом с несколькими шейными позвонками, который находился в ногах у других погребенных. Рядом, во второй могиле находились еще трое останков, один из которых лежал поперек в ногах у других погребенных. Помимо этого, между могилами были найдены останки еще двух взрослых [2].

На памятнике Преображенка-6 в захоронении № 29 мы видим погребение, в котором находились останки шести людей разного возраста. Кости одного человека находились разрозненно, остальные скелеты были уложены в анатомическом порядке, однако без черепов, помимо этого руки отдельных индивидов были отдельно от тел. В тела погребенных было воткнуто не менее 14 наконечников стрел [3].

На памятнике Тартас-1 в погребении № 380 был найден скелет ребенка, который лежал на берцовых костях двух взрослых особей, расположенный в анатомическом порядке, однако отсутствовали берцовые кости правой ноги. Кроме этого, в погребении № 422 находились останки примерно 4 человек. Помимо основного захоронения в могиле были найдены несколько нижних челюстей, часть черепной коробки. У «основного» покойника отсутствует значительное количество костей, и часть костей сломана [4].

Различные виды посмертных манипуляций могли быть связаны с попыткой ослабить покойника уже после его смерти, что можно выделить из этнографии народов севера. Также расчленение могло нести компенсаторную функцию, что мы видим на памятнике Тартас-1. Например, в погребении № 380 были положены берцовые кости в захоронение ребенка, у которого отсутствовали берцовые кости правой ноги. Также в погребении № 422 покойнику положили несколько нижних челюстей и осколок лицевой кости, так как у него они были сильно повреждены. Однако с какой именно целью расчленение использовалось в Усть-Тартасской культуре, сказать достаточно трудно.

1. *Молодин В. И.* Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. 1. 128 с.

2. *Молодин В. И., Кобелева Л. С., Дураков И. А., Райнхольд С., Ненахова Ю. Н., Борзых К. А., Швецова Е. С.* Могильник Усть-Тартас-2 — новый погребальный комплекс эпохи неолита, ранней и развитой бронзы в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий том XIII: Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 20017 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 363–367.

3. *Молодин В. И., Чемякина М. А., Позднякова О. А.* Археолого-географические исследования памятника Преображенская-6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий том XIII: Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2007 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 339–344.

4. *Молодин В. И., Мельникова Л. Н., Новикова О. И., Дураков И. А., Кобелева Л. С., Ефремова Н. С., Соловьев А. И.* К периодизации культур эпохи бронзы Обь-Иртышской лесостепи: стратиграфическая позиция погребальных комплексов ранней — развитой бронзы на памятнике Тартас-1 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 3. С. 40–56.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доцент И. А. Дураков

Трасологическое изучение лезвий «вилчатых копий с крюком» сейминско-турбинского типа из могильника Ростовка.

Р. Д. Новожилов

Новосибирский государственный педагогический университет

Коллекция сейминско-турбинских копий с крюком очень немногочисленна. Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых при классификации сейминско-турбинских бронз, отнеся этот тип копий к разряду КД-10, учли только 5 экземпляров [1]. Причем четыре из них были найдены в комплексах могильника Ростовка, пятый был найден на р. Чарыш на Алтае. За последнее время коллекция этой категории инвентаря пополнилась незначительно. К ней можно добавить два наконечника, найденные при грабительских раскопках в окрестностях г. Омска [2]. Ещё два таких же копия найдены в Цинхае [3], однако С. В. Кузьминых считает их более поздними стилизациями под сейминско-турбинские формы изделий [4].

Таким образом, основная часть коллекции копий «с крюком» составляют изделия из Ростовки. Все они хранятся в «Музее археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского» Томского государственного университета.

Следует отметить, что для трасологического анализа пригодны не все образцы. Например, копьё из скопления бронзовых вещей из квадрата З-16 у погребения № 24 (инвентарный номер 7011–267) представляет собой литейный брак (недоливы, газовые раковины, спай) и по прямому назначению, видимо, никогда не использовалась.

Наиболее яркие следы использования в виде крупных зазубрин встречены на наконечнике из могилы № 8 (инвентарный номер 7011–381). Все выявленные нами повреждения лезвия были получены при использовании наконечника в древности, так как присутствуют на полевой фотографии, сделанной до изъятия находки из могилы. Зазубрины расположены в средней и нижней части лезвия копия. Часть средней части лезвия пера смята от удара, о какой-то твердый предмет ограниченной площади. Повреждения также фиксируются в промежутке между пером и «крюком» копия.

Глубина выявленных зазубрин колеблется от 1,2 до 3 мм, нижний край слегка отогнут вниз. Вышеописанные следы получены вследствие столкновения пера копия с тяжелым острым предметом при широком рубящем ударе сверху вниз. Практически идентичный след фиксируется на выгнутообушковом кинжале разряда КЖ-12, найденном в кв. Д-17 могильника Ростовка (инвентарный номер 7011–273). Использование кинжалов такого типа как рубящего оружия ни у кого не вызывает сомнений.

На копье из скопления бронзовых орудий в квадрате Ж-20 (инвентарный номер 7011–336) расположение и характер следов идентично предыдущему. Крюк обломлен в результате удара вдоль лезвия копья.

Таким образом, все выявленные в результате трасологического исследования следы указывают на то что, копья использовались как древковые рубящие орудия. Длина древка не превышала 1,5 м. На такой размер указывает расстояние между наконечником копья и пяточной костью погребенного в непогребенной могиле № 34 могильника Ростовка.

Назначение крюка по всей видимости сводилось к усилению проникающего воздействия при рубящем ударе (его острие строго перпендикулярно лезвию копья) и для блокировки оружия противника щелью между крюком и пером. Т. е. тактика его применения близка принципам использования алебарды или ассегая зулусов. Данное предположение, сделанное на основе анализа повреждений копья, найденного в окрестностях г. Омска, уже высказывалось А. И. Соловьевым [5].

Косвенным признаком именно такого применения сейминско-турбинских копий является и общая тенденция развития их форм, заключающаяся в исчезновении колющего наконечника у ряда экземпляров. Например, плоский или полукруглый конец острия имеют все копья из Цынхая. Кроме этого усеченное острие фиксируется на негативах литейных форм из поселения Черноозерье-4 и погребения № 387 могильника Сопка-2 [6].

1. *Черных Е. Н., Кузьминых С. В.* Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

2. *Молодин В. И., Нескоров А. В.* Коллекция сейминско-турбинских бронз из Прииртышья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 3 (43). С. 58–71.

3. *Mei J.* Early metallurgy in China: some challenging issues in current studies // Metallurgy and Civilisation: Eurasia and Beyond. London, 2009. P. 9–16.

4. *Кузьминых С. В.* Сейминско-турбинская проблема: новые материалы // Краткие сообщения Института археологии. М.: Языки славянской культуры. 2011. Вып. 225. С. 240–263.

5. Соловьев А. И. Оружие и доспехи. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2003. 219 с.

6. *Молодин В. И., Гришин А. Е.* Памятник Сопка-2 на реке Оми. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. 4. 451 с.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доцент И. А. Дураков

История изучения памятников скифо-сакского времени Восточного Казахстана

А. С. Оразкул
Казахский НУ им. аль-Фараби

Восточно-Казахстанский регион играет немаловажную роль в изучении археологии ранних кочевников Евразии. На сегодняшний день в научной литературе по вопросам изучения реннекочевнических культур имеется немало трудов, которые в свою очередь дополняют материалы о становлении и развитии сако-скифских племен на территории Восточного Казахстана. Большинство памятников эпохи раннего железа расположены в долине главной водной артерии Восточного Казахстана — реки Иртыш. Курганные могильники сосредоточены на северных и южных склонах Калбинского хребта, а далее тянутся на юго-запад до Чингизтау и западных районов Тарбагатай.

Одним из первых исследователей Восточного Казахстана был востоковед В. В. Радлов. В изучении данной территории он тщательно рассмотрел труды известных ученых и путешественников — Д. Г. Мессершмидта, Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа, Г. И. Спасского, и др. Таким образом, В. В. Радлов территорию Алтая разделил на четыре периода: медно-бронзовый, ранний железный, ново-железный, и поздний железный [1].

Изучение памятников скифо-сакского периода Восточного Казахстана в советский период связано с трудами А. В. Адрианова [2], С. И. Руденко [3], М. П. Грязнова [4], С. С. Черникова [5], С. С. Сорокина [6, 7], которые дали возможность перехода к научному этапу изучения — созданию классификационных схем, историко-археологических периодизаций памятников.

Значительный вклад в проблему изучения конского снаряжения ранних кочевников Восточного Казахстана, основываясь на полевых материалах А. В. Адрианова (раскопки могильника Майемер в 1911 г.), внес М. П. Грязнов, создавший реконструкцию узды и сбруи верхового коня раннескифского и пазырыкского времени. По погребальному обряду и сопроводительным вещам М. П. Грязнов разделял культуры эпохи ранних кочевников на территории Алтая на три хронологические группы: майэмирскую, пазырыкскую и шибинскую [4].

С 1935 по 1971 г. на территории Восточного Казахстана проводились комплексные археологические исследования под руководством С. С. Черникова, сформулировавшего общую картину «скифского мира» на данной территории. С. С. Черников по хронологическим рамкам разделял памятники скифского времени Восточного Казахстана на два этапа. Первый (VII–IV вв. до н. э.) характеризуется большими богатыми курганами (Шиликтинская

долина, Майемер, Берель и др.), господством бронзовых орудий и оружия (кинжалы, ножи, наконечники стрел, элементы конского снаряжения характерных форм), в искусстве — великолепными образцами звериного стиля. Четко фиксируются две этнографические группы — южная, связанная с сакским племенным союзом, и северная, куда было включено население, оставившие курганы Пазырыкской группы. Ко второму этапу (III–I вв. до н. э.) относятся памятники кулажоргинского типа [5].

С середины 70-х гг. XX в. по настоящее время в результате применения структурного подхода к решению проблем социальной дифференциации сформировались представления о племенах скифо-сакской культуры как стратифицированном обществе.

На современном этапе изучение археологических памятников ранних кочевников связано с осмыслением и дискуссиями. Историографический подход к анализу и систематизации накопленного материала по ранним кочевникам позволил сделать более обоснованные выводы для дальнейшего изучения скифо-сакского мира Восточного Казахстана.

1. *Радлов В. В.* Сибирские древности. 1895. Т. 7. С. 186–189.

2. *Адрианов А. В.* К археологии Западного Алтая. Пг., 1916. 94 с.

3. *Руденко С. И.* Горноалтайские находки и скифы. М.; Л., 1952. 240 с.

4. *Грязнов М. П.* Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. 1947. № 18. С. 9–17.

5. *Черников С. С.* Некоторые закономерности исторического развития ранних кочевников. 1968. С. 62–64.

6. *Сорокин С. С.* Доследование Большого Берельского кургана // СГЭ. Л., 1962. № 23. С. 70–72.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доцент Г. К. Омаров

Семантика женских головных украшений по материалам саргатских погребений

М. М. Проконова

Тюменский государственный университет, Тюмень

Головной убор являлся важным элементом женского костюма и отражал часть представлений, лежащих в основе мировоззрения отдельной общности людей.

Вопрос о семантике головных украшений долгое время не затрагивался в научной литературе. Л. Н. Корякова соотнесла изображения на зооморфных бляшках с тремя сферами мироздания и заключила, что саргатское население пользовалось зооморфным кодом иранской модели мира [3]. Т. М. Потемкина трактовала изображения грифа и оленьих рогов в головном уборе как символы, маркирующие сакральный Верх [4]. Позднее была выражена идея о том, что головной убор декорировался, так как ассоциировался с разумом и душевной силой [2].

Цель данной работы — характеристика семантики головных женских украшений саргатской культуры. Исследование основано на опубликованных материалах погребальных памятников саргатской культуры эпохи раннего железного века Западной Сибири, представленных женскими погребениями с сохранившимися деталями убранства костюма.

Среди элементов, украшавших голову, были обнаружены детали декора головного убора и съемные украшения. Головной убор декорировался стеклянными бусами синего и золотого цветов и металлическими бляшками из золота и бронзы. Золотые бляшки представлены шестью типами: в виде ступенчатых пирамидок; полушарные; прямоугольные; розетковидные; в виде рогов оленя; в виде бутонов цветка. Бронзовые бляшки двух типов: подпрямоугольные с тисненым орнаментом и умбовидные. В единичном экземпляре найдены серебряная нашивная бляшка крестовидной формы и золотое навершие в виде птицы грифа.

В погребениях также были обнаружены серьги из бронзы, золота и серебра с позолотой. Золотые серьги представлены тремя типами: из цилиндрической пронизки и бусины; из проволочного стержня с петлей на конце, украшенного бусинами, пронизками и подвесками из золотых листиков, зернью; со щитком, украшенным зернью, с гнездом для камня и привеской в виде кольца с напаянными пирамидками зерни. Серебряные с позолотой: в виде стержня, загнутого с обоих концов, украшенного зернью, с сердцевидным щитком и с привеской из шариков в виде грозди. Бронзовые: кольце-

видные с заходящими концами; восьмерковидные без привески; с витыми подвесками; спиралевидные; листовидные.

Если серьги встречаются в женских погребениях независимо от возраста умерших, то декор головного убора появляется у женщин начиная с подросткового возраста, что может свидетельствовать о наличии в саргатском обществе некоего возрастного порога их ношения.

Если говорить о цветовой символике украшений, то головной убор саргатской женщины изобилует оттенками золотого и синего: нашивные бляшки и серьги из «желтых» металлов, голубые и золотистые бусы. Использование данных цветов можно считать проявлением цветового кода «небо-солнце» кочевников Сибири, Казахстана и народов Востока [1].

Бляшки в виде оленьих рогов и навершие в виде грифа маркируют сакральный Верхний мир. Образ оленя обычно трактуется как солярный образ, тесно связанный с представлениями о Мировом дереве [1]. С солнечной символикой связаны и мотивы розеток, которые ко всему прочему были связаны с образами плодородия и культом огня. Птица также является символом неба и солнца для многих народов, в частности гриф упоминается в Авесте. Помимо этого, в декоре шикаевского калафа присутствуют элементы с растительными мотивами, близкими лотосам, которые в иранской мифологии являются еще одним из способов изображения мирового дерева.

Можно сделать вывод, что женский саргатский головной убор соотносился с сакральным верхом и украшался элементами и цветами, символически связанными с небом и солярным культом. При этом право на ношение декорированного головного убора девушки получали в процессе взросления, что, вероятнее всего, было связано с переходом в брачный возраст.

1. *Акишев, А. К.* Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Наука, 1984. 176 с.

2. *Матвеева, Н. П., Хайдукова, Д. В., Долгих, А. С.* Реконструкция костюма воина из могильника Сидоровка (Западная Сибирь) // Вестник ТюмГУ. 2013. № 2. С. 7–20.

3. Очерки культуругенеза народов Западной Сибири. Т. 2. Мир реальный и потусторонний / отв. ред. Н. В. Лукина. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. 475 с.

4. *Потемкина, Т. М.* Головной убор саргатской жрицы (по материалам шикаевского кургана) // Результаты изучения материалов археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 112–120.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. Н. П. Матвеева

Маркеры физиологического стресса у населения игрековской культурной общности (по антропологическим данным из могильника Березовый остров 1)

П. В. Сырикова

Новосибирский государственный университет

Изучены патологии зубной системы и длина тела людей из погребений, относящихся к игрековской культурной общности могильника Березовый остров-1. Памятник располагается в Мошковском районе НСО, на правом берегу р. Уень, раскапывался в 2011–2017 гг. под руководством С. Г. Рослякова. Общность датируется IV–III тыс. до н. э., локализуется в лесостепном и таежном Приобье [1]. К ней относятся также могильники Сопка-2/3, Сопка-2/3А (памятники усть-гартасского типа), Игреково 1, Крохалева 13 и другие [2].

Всего было обследовано 26 скелетов плохой сохранности. Определение патологий зубной системы проведено у 12 индивидов (9 взрослых, 3 ребенка); длина тела была реконструирована для трех взрослых погребенных.

Выявлена средняя частота (22,2 %) заболеваемости кариесом среди взрослых. Особенностью этой патологии в данной группе является то, что она не затрагивает ткани зуба глубоко. В древних популяциях редкость кариеса ассоциируется с потреблением пищи, небогатой углеводами [3]. В то же время у взрослых индивидов зафиксирован зубной камень (100 %), затрагивающий все коронки. Эта патология является важным маркером палеодиеты, часто свидетельствующим об употреблении пищи с высоким содержанием белка [4]. В группе выявлена повышенная частота линейной гипоплазии эмали (75 %), что говорит о физиологическом стрессе, перенесенном во время формирования коронок зубов [5]. К такому отношению как неполноценность пищевого рациона, так и перенесенные в этот период болезни.

Интересен случай пожилого мужчины из погребения 19, коронки которого стертые несимметрично, сильнее с левой стороны обеих челюстей. Правые стороны челюстей поражены множеством абсцессов. Абсцессы могут сопровождать зубной камень или кариес. Но в данном случае этиология заболевания, вероятно, связана с травмой, спровоцировавшей инфекционный процесс.

Длина тела была определена для двух мужчин и одной женщины. Используются уравнения регрессии, применяемые к индивидам с мезоморфными пропорциями, предложенные Л. Мануврием, К. Пирсоном и А. Ли, А. Тельккя, С. Дюпертюи и Д. Хэдденом [6], М. Фельдесманом [7]. В зави-

симости от формулы длина тела мужчины из погребения 19 варьирует от 158 см до 161,5 см; мужчины из погребения 27 — от 151,7 см до 168,1 см (определение по плечевой кости). Следует отметить, что наиболее достоверные данные о росте дают формулы расчета по длинным костям ног. Реконструированная длина тела женщины (скелет № 4, погребение 13) варьирует от 157,3 см до 162,5 см. Таким образом, оба мужчины имеют длину тела, попадающую в категорию ниже средней, а женщина — выше средней [8]. Мы наблюдаем отсутствие полового диморфизма по данному признаку, что отличает индивидов из Березового острова-1 от людей из погребений усть-тартасского типа Сопка-2, где женщины были значительно ниже мужчин [9]. Мужчины Сопки-2 характеризуются длиной тела выше средней. На рост человека влияет комплекс факторов — природных, генетических и социальных, и их сочетание могло быть различным в этих двух группах.

Низкорослость мужчин из Березового острова 1 могла быть связана с условиями ограничения пищевых ресурсов, при которых организму выгоднее иметь небольшие размеры и достигать половой зрелости раньше [10]. Наличие физиологических стрессов в процессе индивидуального развития подтверждается линейной гипоплазией.

1–2. *Молодин В. И.* Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск, 2001. Т. 1. 127 с.

3–5. *Forshaw R.* Dental Indicators of Ancient Dietary Patterns: Dental Analysis in Archeology // *British Dental Journal*. 2014. Vol. 216. P. 529–535.

6. *Алексеев В. П.* Остеометрия. М.: Наука, 1966. 251 с.

7. *Feldesman M.* Femur/Stature ratio and Estimates of Stature in Mid- and Late-Pleistocene Fossil Hominids // *American Journal of Physical Anthropology*. 1992. P. 447–459.

8. *Рогинский Я. Я., Левин М. Г.* Антропология. М.: Высшая школа, 1978. 528 с.

9. *Чикишева Т. А., Поздняков Д. В.* Длина тела у населения Барабинской лесостепи эпохи бронзы (по материалам памятника Сопка-2) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. 21. С. 456–461.

10. *Stulp G., Barrett L.* Evolutionary perspectives on human height variation // *Biological Reviews of the Cambridge philosophical society*. 2014. P. 1–31.

Научный руководитель — канд. ист. наук А. В. Зубова

Сосуды в погребальной практике кротовской и елунинской культур (по материалам памятников Сопка-2/4Б и Телеутский Взвоз-І)

Д. С. Филимонова

Новосибирский государственный университет

Керамика является одним из оснований выделения археологической культуры. В 1970–1980-е гг. анализ орнаментальных композиций керамических комплексов эпохи бронзы Верхнего Приобья позволил специалистам из Новосибирска и Барнаула выделить кротовскую и елунинскую археологические культуры [1, 2]. Возникла проблема соотношения данных культур, которая по-прежнему остается актуальной [3, 4].

В работе анализируется место керамических сосудов в погребальной практике населения, оставившего могильники Сопка-2/4Б и Телеутский Взвоз-І. Керамический комплекс кротовской культуры Сопка-2/4Б насчитывает 35 сосудов. Авторы отмечают, что керамика Сопки-2/4Б не является непременным атрибутом погребального инвентаря [3]. Так на 250 исследованных погребений (100 %) приходится 31 экз., что составляет 12,4 % всего кротовского комплекса Сопка-2/4Б. При анализе могил с сосудами выяснилось, что 8 сосудов (26 %) относятся к погребениям мужчин, 9 сосудов (29 %) — к погребениям женщин, 4 экз. (13 %) — к детским погребениям, 7 сосудов (23 %) найдены в могилах смешанного типа и 3 (9 %) — происходят из погребений, где пол умершего не удалось установить. Расположение сосуда относительно могильной конструкции также дает интересную информацию для анализа. Почти треть сосудов (10 из 31) находились за пределами погребений на уровне погребенной почвы, 45 % изделий найдены в заполнении могил и 22 % находились рядом с погребенным на дне могилы. Важно отметить, что прямые аналогии расположения сосудов за пределами могильного пространства прослеживаются на памятниках кротовской культуры Ростовка и Ордынское-І. В 9 случаях из 10 сосуды, расположенные за пределами погребений, относятся к могилам, в которых отсутствовал какой-либо другой погребальный инвентарь, кроме керамического. Интересной особенностью погребальных кротовских сосудов является пробитое дно, встречающееся у 5 экз. из 31. Из них 3 найдены в женском, а 2 — в мужском погребениях, но все эти индивиды были похоронены уже в зрелом возрасте, среди которых особо выделяется погребение женщины (50–60 лет) со следами «насилия». Возможно, что пробитые сосуды были помещены в могилы людей определенного социального статуса.

Керамическая коллекция елунинского комплекса Телеутский Взвоз-І насчитывает 32 экз. [4], из них 6 % (2 экз.) найдены в погребениях детей,

11 сосудов (34%) относятся к смешанным могилам, 8 (25%) расположены в погребениях, где пол индивида выявить не удалось, и 11 из 32 сосудов (34%) не относятся к конкретным захоронениям. В 51 исследованной могиле (100%) найдено 32 экз., что составляет 62,7% всего елунинского комплекса Телеутский Взвоз-I., примерно треть изделий (34%) найдена вне могильного пространства, 14 сосудов (44%) располагались рядом с погребенным, в заполнении могилы найдено 7 сосудов (22%).

Таким образом, не представляется возможным выделить конкретное место сосуда в погребальном обряде, привязанное к определенному объекту, как в елунинской, так и кротовской культурах. Но при этом пробитые доньшки сосудов зафиксированы только на кротовских изделиях. Гендерная корреляция прослеживается сложно, но, вероятно, керамика являлась важнейшим атрибутом елунинского погребального обряда (62,7%), в то время как в кротовских погребениях керамический инвентарь не является обязательным (12,4%). Все кротовские сосуды приурочены к погребениям, в отличие от елунинских, не имеющих определенного места.

1. *Молодин В. И.* Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, 1977. 175 с.

2. *Кирюшин Ю. Ф.* Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1986. 36 с.

3. *Молодин В. И., Гришин А. Е.* Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 4. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2016. С. 213.

4. Елунинский археологический комплекс Телеутский Взвоз-I в Верхнем Приобье: опыт междисциплинарного изучения: коллективная монография / С. П. Грушин, Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин и др. / отв. ред. А. П. Деревянко. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 270 с.

Научный руководитель — д-р ист. наук Л. Н. Мыльникова

Вопрос о погребальных традициях кашинской культуры

В. С. Юдакова

Тюменский государственный университет

Со времени выделения В. Д. Викторовой типа памятников, а после и выделения Н. П. Матвеевой кашинской культуры как таковой в процессе накопления источниковой базы назрел вопрос о специфике культуры. На основе анализа погребений могильника Абатский-3 Н. П. Матвеева предприняла попытку выявить специфику кашинского погребального обряда. В результате погребения кашинской культуры характеризуются вытянутым на спине положением покойника на берестяной подстилке; по способу погребения — ингумацией в неглубоких прямоугольных ямах с неустойчивой ориентировкой и набором инвентаря, представленным в основном культовым литьем и оружием (железные кинжалы). На данный момент на имеющемся корпусе источников возможно выявить и сравнить между собой некие особенности погребальной традиции кашинской культуры.

Отличительная черта проанализированных погребений в том, что они в основной своей массе являются периферийными. Во всех могильниках присутствуют одиночные погребения, парные погребения встречаются в могильниках Чепкуль 9, Гаевский 1, Абатский 3, коллективные — только в Абатском 3. Погребения представляют из себя ямы прямоугольной или подпрямоугольной формы, где отмечена господствующая западная ориентировка, исключением являются погребения могильника Абатский 3, что обусловлено положением погребения во рву. Ввиду плохой сохранности костей говорить о позе погребенных в целом не представляется возможным. По некоторым сохранившимся остаткам перекрытий возможно предположить погребальные сооружения, возводившиеся представителями кашинской культуры. В могильниках Гаевский 1 и Чепкуль 9 обнаружены остатки деревянного перекрытия из нетолстых бревен, уложенных по продольной оси могилы. В свою очередь, в нескольких погребениях Абатского 3 обнаружены остатки берестяной подстилки.

Что касается инвентаря — среди орудий труда можно отметить частую встречаемость ножей (в частности в могильниках Чепкуль 9 и Абатский 3), также необходимо отметить единичные находки пряслиц (как выточенных из стенок сосудов, так и лепных), тесла, наконечника мотыги. Предметы вооружения представлены кинжалами (Абатский 3), бронзовым наконечником стрелы и обломком черешка железной стрелы (Гаевский 1). Среди украшений и предметов туалета наиболее распространены бусы (25 % погребений с инвентарем), также встречаются бляшки, идолы, подвески, зеркала, пронизки, кольца.

В отличие от саргатского погребального обряда, в кашинских погребениях наконечники стрел единичны, не обнаружено таких предметов вооружения, как меч и наборный панцирь, остатков конской упряжи, что может указывать на хозяйственную направленность деятельности данного населения, а не на военную, как у саргатцев.

Керамические сосуды (развалы) представлены в четырех погребениях. В погребении 2 Прыговского 2 могильника кашинский и саргатский сосуды располагались рядом с черепом. В погребении 2 могильника Чепкуль 9 сосуд кашинского типа также располагался рядом с черепом второго косяка, но в 5 погребении два сосуда кашинского типа находились в СВ углу. В Абатском 3 могильнике сосуд обнаружен лишь в коллективном погребении 7 в изголовье одного из детей. Черепки лепного сосуда встречены в погребении 8 Мысовского могильника. Сосуды круглодонные, в основном с плоским срезом венчика и прямой шейкой, но в погребении 2 могильника Чепкуль 9 сосуд синкретичного облика, сочетающий саргатские и кашинские традиции. Орнаментация сосудов произведена с помощью гребенчатого и шнурового способа нанесения. Узор наносился на венчик, шейку и плечико. Наблюдается «бордюрный» орнамент с включенным в него двухрядовым зигзагом или наклонными линиями, также присутствует композиция из четырехрядового зигзага.

Таким образом, проведя анализ погребений, относимых авторами к кашинским, удалось выявить некие особенности погребального обряда, отличные от саргатских. Но недостаточность источниковой базы оставляет открытым вопрос о погребальной обрядности кашинской культуры.

1. Зах В. А. Комплексы кургана 7 могильника Чепкуль 9 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2008. № 9. С. 4–21

2. Корякова Л. Н., Шарапова С. В., Ковригин А. А. Прыговский 2 могильник: Кочевники и лесостепь // УИВ. 2010. №2 (27). С. 62–71

3. Матвеева Н. П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.

4. Культура зауральских скотоводов на рубеже эр: (Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование) / Булдашев В. А., Ковригин А. А., Косинцев П. А., Курто П., Махонина П. И., Ражев Д. И., Потро Ж. П., Шарапова С. В. Екатеринбург, 1997. 180 с.

5. Викторова В. Д. Могильник и поселение у д. Мыс на р. Нице // Вопросы археологии Урала. Вып. 4. 1962. С. 135–153.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. Н. П. Матвеева

Скифо-сибирские черты в художественной металлопластике кулайской культуры

Д. Т. Яковлев

Новосибирский государственный педагогический университет

В период с III в. до н. э. до III в. н. э. территория Обь-Иртышского междуречья представляла собой контактную зону двух культурно-исторических традиций — северной, представленной кулайской и новочекинской культурами, и «южной» скифо-сибирской, представленной большебереченской и саргатской культурами.

Усиление взаимодействия этих общностей большинство исследователей связывает с продвижением в конце III — начале II вв. до н. э. носителей кулайской культуры на юг в Верхнее Приобье и Барабу [4, 5]. Время, масштабы и характер этого проникновения дискусионны [6]. Определенный интерес представляет изменения в художественной металлопластике взаимодействующих культур.

В большебереченской культуре влияние кулайского искусства ограничено. Можно отметить несколько изделий, демонстрирующих смешение стилей. Например, это подвеска в виде головы лося, найденная в могиле 2, кургана 3 могильника Быстровка-3. Изделие совмещает признаки кулайского культового литья (вытянутая форма, гипертрофированно увеличенная нос и ноздря зверя) и скифо-сибирской изобразительной традиции [1, 2]. Кулайские черты сохраняет штампованная серебряная личина из того же могильника Быстровка-3 (курган 5, могила 2) [2]. В саргатской культуре Барабы случай находки изделия кулайского культового литья вообще единичен, это обломок фигурки копытного животного из могильника Старый Сад [3].

Намного более значительное влияние скифо-сибирского мира можно проследить в кулайском искусстве. Бесспорно, тиражирование изделий скифо-сибирского облика кулайцами. На это указывает находка на территории кулайской литейной мастерской городища Дубровинский-Борок-3 роговой литейной модели лося, выполненной в «скифо-сибирском зверином» стиле.

Подражанием скифскому изобразительному канону является серия изделий из погребений кулайского могильника Каменный Мыс — бляха поясного набора в виде повернутых друг к другу двух голов грифонов (курган 10, могила 9), подвески в виде скифских котлов на витой ножке-петельке (курган 3, могила 30), ажурная поясная пряжка со стилизованными изображениями голов орла (курган 10, могила 2), пуговицеобразные бляхи (насыпь кургана 10).

Высокая культура скифо-скифского мира оказала трансформирующее воздействие на кулайскую изобразительную традицию в целом. Исчезает

«скелетность» и схематизм изображений, техника ручной формовки заменяется модельной [1]. Появляются новые методы обработки металла — штамповка, чеканка, выколотка.

В кулайском искусстве появляются канонические для скифской изобразительной традиции сюжеты: зверь, свернувшийся в кольцо, хищная птица с расправленными крыльями. Такие изображения присутствуют в материалах Кулайского культового места, р. Парабель и поселения Киндинское-II.

Таким образом, рассмотренные изделия отражают восприятие инокультурных изобразительных и технологических традиций носителями кулайской культуры. При этом скифо-сибирская (большереченская и саргатская) металлопластика испытывает лишь незначительное таежное влияние.

Объяснение этому следует искать в более высокой степени экономического, социального и военного развития большереченской и сарганской культур. Основой экономики кулайцев были присваивающие формы хозяйственной деятельности. Переселившись в Верхнее Приобье, они вынуждены были постепенно перестраивать экономику, ориентируясь на более развитых соседей. Вследствие этого заимствования приняли очень широкий характер, что не могло не затронуть сферу искусства.

1. *Дураков И. А.* Цветная металлообработка раннего железного века: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001. 314 с.

2. *Дураков И. А., Мжельская Т. В.* Исследования могильника Быстровка-1 // 75 лет Новосибирскому областному краеведческому музею. Новосибирск: НОКМ, 1995. С. 47–65.

3. *Полосьмак Н. В.* Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 126 с.

4. *Троицкая Т. Н.* Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979. 128 с.

5. *Чиндина Л. А.* Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: ТГУ, 1984. 256 с.

6. *Яковлев Д. Т.* К вопросу о формировании новосибирского варианта кулайской культуры // V Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК, 1–4 февраля 2018 г., Самара): Материалы Всероссийской (с международным участием) конференции. Самара: Самарский университет, 2018. С. 271–274.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доцент И. А. Дураков

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

УДК 902/903/531.58

Баллистические свойства трехлопастных наконечников стрел в конечной точке: оценка методики изучения

В. О. Антипина

Новосибирский государственный университет

Баллистика — научная дисциплина, изучающая движение неуправляемых тел в пространстве. Её принято подразделять на внутреннюю, внешнюю и баллистику в конечной точке. Предметом последней является изучение воздействия тела/проникателя, выпущенного из огнестрельного оружия на поражаемые цели. Однако физико-технический подход, применяемый в баллистике также позволяет исследовать и поведение тел (стрелы, копьа, камня, бумеранга и т. д.), относящихся к ручному метательному оружию. Поэтому для определения функциональных свойств древнего и средневекового наступательного и защитного вооружения все чаще привлекаются специалисты по баллистике, аэродинамике и математическому моделированию [2, С. 5].

Целью данной работы является оценка методических подходов в изучении трехлопастных наконечников стрел применяемых в вооружении народов Сибири и Центральной Азии.

Один из первых отечественных исследователей луков и стрел Д. Н. Анучин отмечал, что почти у каждого народа в употреблении одновременно были стрелы с разнообразными формами наконечников [1, С. 411]. Логика древних производств, когда на одной территории встречается широкий ассортимент разных по типу и размеру наконечников, заключается в стремлении воплотить в каждой конкретной форме определенные функциональные свойства. Постепенное изменение форм наконечников фиксировало появление и развитие различных видов защитного вооружения и тяжеловооруженной конницы, особенности охоты [3, С. 97].

С начала I тыс. н. э. и вплоть до монгольского времени именно трехлопастные наконечники стрел, имеющие различную конфигурацию пера, были одним из самых распространенных типов. Пик их популярности приходится на IX–X вв. Считается, что именно трехлопастные наконечники стрел были наиболее совершенными в аэродинамическом и баллистическом отношении [2, С. 64]. Однако второе тысячелетие проходит уже под знаком применения наконечников стрел с узкой специализацией — бронебойных и плоских, технология производства которых была более простой, а производительность изготовления более высокой.

Дать полную характеристику наносимых наконечником стрелы ранений в мягкие ткани по человеческим останкам, обнаруженным в ходе археологических раскопок, представляется практически невозможным. Однако в литературе можно встретить точку недостаточно обоснованного зрения о возможности нанесения трехлопастными наконечниками стрел очень крупных рваных ран [4, 52]. В то же время специалисты в области судебно-медицинской экспертизы отмечают, что механизм воздействия проникающих на ткани тела неясен даже для многих исследователей, занимающихся конструированием или реконструкцией исторического оружия. Между тем, эффективность той или иной системы оружия определяется в конечном счете, не скорострельностью или дальностью, а эффективностью действия по цели поражающего элемента вооружения — стрелы или пули, — вызывающего смерть, ранения, увечья или травмы [6].

Междисциплинарный подход к изучению археологических источников значительно расширяет арсенал исследовательских методик. Однако только лишь на основе математических моделей внешней баллистики поведения стрелы и без учета опыта практической стрельбы из лука дать характеристику эффективности в конечной точке не представляется возможным. При проведении серии экспериментов можно доказать или опровергнуть правильность и эффективность выбранных для расчёта методик, а эксперименты по баллистике в конечной точке позволяют уточнить особенности использования того или иного наконечника.

1. *Анучин Д. Н.* О древнем луке и стрелах // Труды V Археологического Съезда в Тифлисе 1881 / под редакцией графини П. С. Уваровой. М., 1887. С. 337–411.

2. *Ведерников Ю. А., Худяков Ю. С., Омелаев А. И.* Баллистика от стрел до ракет. Новосибирск: ИТПМ СО РАН, 1995. 236 с.

3. *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М.: Наука, 1966. 128 с.

4. *Левашова В. П.* Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск: Красноярское краевое государственное издательство, 1939. 67 с.

5. *Коробейников А. В., Митюков Н. В.* Баллистика стрел по данным археологии: введение в проблемную область. Ижевск: Изд-во НОУ Камский институт технологий, 2007. 140 с.

6. *Лоренц А. С.* Судебно-медицинская характеристика повреждений, причиненных выстрелами из универсального спортивно-охотничьего арбалета «Bowtech Strykeforce»: дис. на соискание ученой степени канд. мед. наук. М., 2014. 168 с.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доцент О. А. Митько

Вклад С. М. Ахинжанова в средневековую археологию Казахстана

А. Б. Аскарров

Казахский национальный университет им. аль-Фараби

Сержан Мусатаевич Ахинжанов родился 3 сентября 1939 года в Алматы. В 1964 г. окончил исторический факультет МГУ. Обладая широким и разносторонним интересом к истории родного края, Ахинжанов начинал свою научную деятельность с того, что попытался заглянуть в ту раннюю эпоху, в которую на территории степей Северного и Центрального Казахстана только зарождалось производящее хозяйство.

Неолиту и энеолиту Казахстана посвятил Сержан Мусатаевич свою выпускную дипломную работу в Московском университете и защитил ее блестяще. Он создал первый тщательно систематизированный свод материалов.

Вернувшись на родину зрелым, сложившимся исследователем, к сожалению, не получил поддержки для разработки темы «О становлении и развитии исторического механизма — движителя скотоводческой экономики». Так как в то время для казахского народа более важным оказались темы по этнической истории, то Ахинжанов, поступив осенью 1964 г. в аспирантуру института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР, стал одним из первых казахских медиевистов. И начал работать в ИИАЭ АН КазССР. С. Ахинжанов бесспорно талантливый человек, в особенности в организации научных экспедиций.

В 1973 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Кипчаки и их политические взаимоотношения с Хорезмом в XI — начале XIII вв.» в качестве диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Поражает количество использованных автором письменных и археологических источников и литературы на разных языках, радует широкое раскрытие темы, обоснованность и четкость выводов [1].

Автор издал занимательную книгу «Кыпчаки в истории средневекового Казахстана» [1]. Идея Ахинжанова о том, что кипчакское этнополитическое объединение, сформировавшееся в VIII–IX вв. в бассейне Иртыша, связано с проникновением сюда племен из северо-восточной Монголии, прежде всего кумоси и уранкай, сразу же стала предметом серьезных научных споров, дискуссий и рецензий.

Одним из крупных этносов, сыгравших важную роль в средневековой истории, были кыпчаки-половцы. Несмотря на довольно многочисленные сведения об этом народе, все же многое остается до сих пор тайной.

Приоткрыть ее завесу задался целью археолог С. Ахинжанов, аргументированно проследив путь кыпчаков с Прииртышья в степи Центрального Казахстана, в долину Сырдарьи и на плато Мангыстау [2].

Появление кыпчаков-половцев в восточноевропейских степях было связано с военными походами на Русь и Византию. Приглашенные императором Алексеем Комниным в общей борьбе с печенегами, половцы вывозили из империи огромные богатства, добытые грабежами и откупам. Русские летописи пестрят сообщениями о набегах половцев, об учиненных ими грабежах и уведенном в полон населении. Аналогичные процессы имели место и в Центральной Азии. Заслуга С. Ахинжанова в том, что он по-новому увидел среди множества сообщений о кыпчаках проблемы взаимосвязи с кимаками и попытался реконструировать некоторые направления этногенетических процессов в Центральной Азии, в частности взаимодействия и взаимоотношения монголоязычных и тюркоязычных этносов на территории современного Казахстана, на обширных пространствах от Иртыша до Волги, севернее Балхаша и Сырдарьи, которые так и именовались — Кыпчакская степь (Дешт-и Кыпчак). На рубеже X–XI вв. племена, населяющие эту страну, стали главной политической силой в Евразии.

С. Ахинжанов поставил перед собой такую задачу, как изучение вопроса о взаимоотношениях кыпчаков и Хорезмского государства как составной части изучения проблемы кочевников и земледельцев, города и степи [2].

Он сумел воссоздать реальный образ кочевника, выявил его подлинную роль в исторических событиях. Благодаря его работам становится в значительной мере понятно, что кочевые государства творчески соединяли в себе культурные традиции кочевых и оседлых народов. Город и степь составляли не два антагонистических мира, а две отрасли хозяйства этих государственных объединений, их экономическую базу. Расцвет городов Казахстана и Средней Азии в IX — начале XIII вв. во многом связан с оседанием кочевников. Они привнесли в городскую культуру много степных элементов обитания.

1. *Ахинжанов С. М.* Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы: Гылым, 1995. 296 с.

2. <http://spgk.kz/vladimir-proskurin/157-nad-rekoj-utraty-pamyati-serzhana-akhinzhanova.html>

Научный руководитель — Б. Б. Бесетаев

Связи древних культур Приамурья и Забайкалья в начале I тысячелетия нашей эры

В. Е. Вальченко

Новосибирский государственный университет

Древние Шилкинские городища известны в науке, начиная с 1915 г., когда появилась первая публикация о них.

С 1954 г. начинается систематическое изучение Верхнего Приамурья. Дальневосточная археологическая экспедиция под руководством А. П. Окладникова спустилась вниз по Шилке от Сретенска, далее по Амуру до Благовещенска. Была произведена первая научная фиксация нескольких городищ: у с. Усть-Чёрная, на сопке Витчиха напротив с. Верхние Куларки и городище Чудейский утес на г. Широкая недалеко от устья р. Чёрная [3].

В ходе их изучения было выявлено немало сходств с памятниками средневековых мохэ, расположенных на Среднем и Нижнем Амуре. Вследствие чего А. П. Окладниковым высказано предположение, что племена мохэ распространялись вверх по Шилке, где могли жить сплоченными родовыми коллективами, готовыми к самообороне [3].

Однако позже он стал считать шилкинские городища принадлежащими разным группам верхнеамурских племен шивэй. Одна часть была признана монголоязычной, а другая принадлежала к мохэ в культурном, хозяйственном и языковом отношениях [2].

Данные экспедиции 1954 г. нашли подтверждение при изучении р. Шилки в 2000-х годах Благовещенским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН под руководством С. В. Алкина. Основываясь на изучении структуры поселений, особенностях жилищного строительства и хозяйственно-культурного типа населения, оставившего Шилкинскую систему городищ, сделан вывод о появлении в конце I тысячелетия на территории Восточного Забайкалья групп сумо мохэ. Начинается процесс культурного обмена с абorigенным, возможно, носителями бурхотуйской культуры [1].

Е. И. Деревянко этнически относит племена мохэ и бурхотуйцев к шивэйцам ввиду сходства некоторых явлений в культуре. Она выделяет два типа жилищ мохэского времени и идентифицирует с I типом жилищ шилкинскую систему по планировке и конструкции [2].

Такого же мнения относительно этнической принадлежности населения Среднего Амура шивэй придерживался Н. В. Кюнер: «Вероятно, шивэй были неоднородны по составу, и какая-то часть племен была родственна мохэ. Поэтому мы можем наблюдать одинаковые дома» [2, С. 89].

Жилища мохэских поселений бассейна Среднего и Верхнего Амура объединяет несколько характерных черт: они ориентированы по сторонам света, относятся к типу полуземлянки, небольших размеров, представляют собой форму правильного квадрата (8 × 8 м; 4 × 4 м; 3 × 3 м), параллельно стенкам расположены нары и полки, предназначенные для домашней утвари, очаг в центральной части жилища (иногда обложен каменными плитами), конструкции относятся к каркасно-столбовому типу. В сравниваемых жилищах отмечено использование бересты для гидроизоляции углов. Только для Среднего Приамурья это обычный приём строительства, а для территории Забайкалья скорее уникальный случай. Необходимо сказать о находке сложной теплотехнической конструкции в виде печи со сводом. Печи как особый тип отопительной системы являются редкостью как для Дальнего Востока, так и для Восточного Забайкалья [1, С. 25–28; 2, С. 83–85].

Необходимо отметить несколько признаков, отличающих эти жилища. В шилкинских жилищах вход располагался с южной стороны. По мнению исследователей, в Приамурье вход в жилище располагался сбоку от центра на одной из сторон крыши. Функцию лестницы в таком случае нес один из столбов, поддерживающих перекрытия. Очаг был квадратной формы, обкладывался каменными плитками или деревянными плахами, а в редких случаях был без всякой обкладки. В Забайкалье использовали крупные речные гальки для обкладки очага, который имел округлую форму. Пол имел разное покрытие: в Приамурье обмазан глиной, в жилищах Забайкалья он представлял собой уплотненную поверхность [2, С. 82–85; 3, С. 12–15].

Жилище является одним из важнейших элементов культуры. Его изучение позволяет проследить социально-экономические изменения в деятельности человека. Архитектурные традиции содержат в себе множество этнических признаков и помогают установить наличие или отсутствие культурно-этнической преемственности между народами.

1. *Алкин С. В.* Средневековые городища на Шилке // Сретенск — Чита: Забайкал. гос. ун-т, 2014. С. 23–29.

2. *Деревянко Е. И.* Племена Приамурья: I тысячелетие нашей эры. Очерки этнической истории и культуры. Новосибирск: Наука, 1981. 331 с.

3. *Окладников А. П., Ларичев В. Е.* Археологические исследования в бассейне Амура в 1954 г. // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 1999. С. 4–29.

Научный руководитель — канд. ист. наук С. В. Алкин

История изучения погребального обряда мохэ троицкого типа

М. Е. Жуков

Новосибирский государственный университет

Ареал памятников троицкого типа археологической культуры мохэ занимает большую часть Амурской области (Зейско-Буреинская равнина) и сопредельные территории юго-восточного Забайкалья и Северной Маньчжурии.

Появление памятников троицкой группы мохэ в среднем Приамурье (VII в. н. э.) связано с созданием тунгусо-маньчжурами первого государства на территории северо-восточного Китая [3, С. 95]. На данный момент наиболее известными памятниками троицкой группы мохэ являются поселенческие комплексы Ураловка, Черемхово, Бибиково I, Безымянное озеро, поселение на реке Грязнушка и др. и могильники Троицкий, Липовый Бугор, Падь Прибрежная, Чалиба.

Можно выделить несколько этапов истории изучения погребального обряда мохэ троицкого типа: 1) открытие памятников в первой половине XX века без выделения их в особую культуру; 2) открытие и первичное изучение Троицкого могильника как опорного памятника мохэской археологической культуры троицкого типа; 3) современный этап с включением в троицкую культуру мохэ новых памятников и исследованиями их в конце XX — начале XXI века.

Первый этап начался в 1929 г. с открытия Г. С. Новиковым-Даурским Миловановского могильника, расположенного в пойме Амура недалеко от с. Сергеевка, который впоследствии был назван Липовым Бугром. В прибрежной части Амура в 1960-е гг. в ходе работы экспедиции А. П. Окладникова был обнаружен и частично исследован могильник Падь Прибрежная.

Второй этап — археологическое изучение погребального обряда троицкого типа мохэской археологической культуры — связан с открытием Троицкого могильника А. П. Деревянко в 1967 г. Раскопки могильника, располагающегося вблизи с. Троицкого в Ивановском районе Амурской области, проводились с 1969 по середину 1970-х гг. По итогам проделанной работы была подготовлена монография Е. И. Деревянко [1]. Ею было выделено три типа захоронения умерших: первичное (32), вторичное (170) и трупосожжение (8). Также была отмечена закономерность в локализации могильников и погребальном обряде: все они располагались вблизи водоемов и не имели определенного порядка расположения могил. Автор работы датировала памятник VII–IX вв., основываясь на найденном погребальном инвентаре [1, С. 144–160]. На материалах раскопок Е. И. Деревянко, а в частности по лепной керамике, О. В. Дьякова выделила троицкий тип мохэской археологической культуры.

На современном этапе изучения были опубликованы материалы исследований могильников Липовый Бугор и Падь Прибрежная, которые были отнесены к троицкому типу мохэ. Раскопки на памятнике Липовый Бугор, который был датирован VIII–X вв. н. э. проводились с 1996 по 1999 г. В ходе работ выяснилось, что на этом памятнике также преобладает вторичный тип захоронения, а основу погребального инвентаря составляли керамические изделия [2, С. 162]. Исследование могильника Падь Прибрежная было осуществлено в 1998 г. и также показало преобладание вторичных захоронений в погребальном обряде. Был открыт и изучен могильник Чалиба, который с некоторыми оговорками был отнесен к троицкому типу мохэской культуры [4].

Основные силы исследователей были направлены на изучение Троицкого могильника. Новый этап раскопок был начат в 2003 г. в ходе работ Благовещенского археологического отряда ИАЭТ СО РАН под руководством С. В. Алкина и продолжался до 2007 г. Результатами проделанной работы стали уточнение датировки могильника, более углубленное изучение погребального инвентаря. Были выявлены закономерности погребального обряда троицких мохэ и предложена его реконструкция.

Таким образом, наиболее значимые открытия в исследовании троицких мохэ были связаны с Троицким некрополем, на основе которого была предложена хронология данной культуры, а также основные признаки, по которым тот или иной объект может быть отнесен к этой археологической культуре. Большая же часть памятников, относящихся к троицкому типу мохэ, изучена не так хорошо, и у исследователей есть большие перспективы для работы.

1. Деревянко Е. И. Троицкий могильник. Новосибирск: Наука, 1977. 244 с.

2. Деревянко А. П., Ким Бон Гон, Нестеров С. П., Чой Мэн Сик, Хон Хен У, Алкин С. В., Субботина А. Л., Ю Ын Сик. Материалы и исследования Российско-корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье. Тэджон: Изд-во Ин-та культурного наследия, 2008. Вып. I. Ч. 1: Раскопки раннесредневекового Троицкого могильника в 2007 г. 218 с.

3. История Амурской области с древнейших времен до начала XX века / Под ред. А. П. Деревянко, А. П. Забияко. Благовещенск, 2008. 424 с.

4. Нестеров С. П., Алкин С. В. Раннесредневековый могильник Чалиба на р. 2-я Сунгари // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск, 1999. Вып. 2. С. 153–176.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доцент С. В. Алкин

**Две сабли «шамширного» типа
из Национального музея Республики Казахстана**

Д. Исмаилов

Новосибирский государственный университет

Актуальным направлением современных археологических и оружейно-ведческих исследований является изучение длинноклинкового оружия номадов Великой степи в целом и Казахстана в частности [1, 2, 3].

В фондах Национального музея Республики Казахстан (НМ РК, г. Астана) хранятся две сабли (ПМО УК 8227, ПМО 6265), которые относятся к комплексу вооружения казахских воинов Нового времени. Цель статьи — описание конструкции и системы оформления сабель, а также уточнение их датировки и атрибуции. Ранее данные сабли не становились объектом самостоятельного научного исследования.

По форме сабельной полосы рассматриваемые экземпляры относятся к сильноизогнутым клинкам с остроугольным острием. Между собой сабли различаются размерами, особенностями конструкции и системы оформления.

Длина сабли ПМО УК 8227 от навершия рукояти до острия — 905 мм. Клинок сабли частично патинирован, выполнен из обычной стали. Спуски клинка незначительно выпуклые. Длина клинка от основания лезвия до острия — 780 мм. Почти прямой у рукояти клинок начинает сильно изгибаться в центральной части и приобретает максимальную кривизну в нижней трети сабельной полосы. На нижней трети лезвия и у острия фиксируются незначительные повреждения — выбоины и сколы.

Навершие рукояти изгибается под прямым углом, что придает всей рукояти характерную Г-образную форму. Длина рукояти от навершия до конца перекрестья — 110 мм., ширина — 25 мм. «Щечки» рукояти выполнены из дерева, которые крепятся к черену с помощью двух заклепок, одна из которых расположена ближе к навершию, а вторая — возле уса перекрестья.

Стальной наконечник навершия выполнен в виде наперстка, край которого оформлен четырьмя фестонами-лепестками. Крестовина с перекрестьем изготовлена из железа и имеет гладкую поверхность. Горизонтальные стержни перекрестья расширяются к концу, образуя характерные удлиненно-трапецевидные лопасти. Длина крестовины — 140 мм. Длина перекрестья — 65 мм.

На основании типологического анализа сабля ПМО УК 8227 из НМ РК может быть отнесена к одному из вариантов классических переднеазиатских «шамширов» и датирована XVII–XIX вв. [1].

Сабля ПМО 6265 отличается меньшей общей длиной (860 мм.) и меньшей кривизной клинка. Последний сильно пагинирован и предположительно выполнен из обычной стали. Длина клинка от основания лезвия до острия — 740 мм. Почти прямой у рукояти клинок начинает сильно изгибаться в центральной части и приобретает максимальную кривизну в нижней трети сабельной полосы.

Длина рукояти от навершия до конца перекрестья — 110 мм. Г-образная рукоять сабли покрыта кожаным чехлом. Ширина рукояти — 25 мм. Стальное навершие рукояти, столь характерное для эталонных образцов «шамширов», на рассматриваемой сабле отсутствует.

Крестообразная гарда сделана из стали и имеет гладкую поверхность. Длина крестовины — 120 мм. Горизонтальные стержни крестовины постепенно сужаются к концу и венчаются миниатюрными головками в виде уплощенных шариков, отделенных от основной части крестовины выпуклыми ободками.

На основании типологического анализа сабля ПМО 6265 может быть отнесена к одному из вариантов дериватов «шамширов» и датирована XVIII–XIX вв. Наиболее вероятно, что она была изготовлена мастерами Мавераннахра или Казахстана [2].

Сабли из НМРК подтверждают данные письменных источников о том, что значительная масса длинноклинкового оружия ввозилась в Казахстан с территории Ирана и Средней Азии.

** Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект №33.5677.2017/8.9)*

1. Бобров Л. А., Шереметьев Д. А. Сабли казахских воинов из фондов РЭМ // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 7: Археология и этнография. С. 223–245.

2. Бобров Л. А., Пронин А. О. Типология казахских сабель XVI — середины XIX вв. // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб.: Периферия, 2012. Кн. 2. С. 572–581.

3. Бобров Л. А., Исмаилов Д. М. Сабли тюркских кочевников XVIII–XIX веков из фонда национального музея Республики Казахстан и Историко-краеведческого музея Атырауской области // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. Вып. 5: Археология и этнография. С. 203–210.

Научный руководитель — д-р ист. наук, доцент Л. А. Бобров

Остроги и форпосты Барабы и Новосибирского Приобья на картах середины XVIII в.

А. П. Корчагин

Новосибирский государственный краеведческий музей

На территории Барабы и Новосибирского Приобья в середине XVIII в. существовало семь укрепленных пунктов, таких как остроги или форпосты. И если Бердский, Умревинский и Чаусский остроги в той или иной степени изучены, то о трех других (Каинском, Убинском и Каргатском) к настоящему моменту мы обладаем очень скудной информацией. Неизвестно их точное назначение, месторасположение, функционирование и окончание существования. Достаточно полными можно назвать только сведения о численности населения этих укрепленных пунктов [4].

Недостаточно сведений мы имеем и об Усть-Тартасском форпосте. Нескольким раз на его территории производился сбор подъёмного материала [5], в частности, керамики, но полноценных археологических работ произведено не было. Более того, существует мнение, что этот памятник не должен отождествляться с Усть-Тартасским форпостом ввиду несоответствия его локализации со сведениями из письменного источника [3].

Считается, что остроги Барабинской лесостепи появляются в 1722 г.

В Государственном архиве Алтайского края хранится карта, связанная с учетом передвижений подведомственных Колывано-Воскресенским заводам приписных крестьян, несших заводские повинности. Её полное название «Карта состоящих в ведении Чаусской земской канторы крестьянских жилищ при каких оные местах и урочищах...от заводов...расстоянии отстоят. Сочинена 1771 год 8 месяца марта числа» (пропущенные слова прочитать затруднительно) [1]. На карте изображена большая часть современной Новосибирской области (до озера Чаны на западе), а также прилегающие территории. Помимо прочего, на ней отмечено расположение интересующих нас острогов. При сопоставлении этой и современных карт, оказалось, что она достаточно точная. Из выявленных ошибок — указание р. Уень вместо р. Чаус. Однако в целом мы можем ей доверять и использовать для поиска.

Каинский форпост (вероятно, самый крупный из всех рассматриваемых) указан здесь на левом берегу р. Омь, в непосредственной близости от устья небольшой речки Каинки. Подтверждение этому мы находим в дневниковых записях немецкого ученого, члена Петербургской Академии наук И. Г. Гмелина. Записи были составлены по итогу путешествия из Томска в Тару в 1741 г. При сопоставлении этих сведений с современной застрой-

кой г. Куйбышева получается, что форпост находился в районе улицы Агафонова, вблизи Церковно-приходского центра католической церкви.

Убинский форпост на карте не указан по той причине, что еще в 1746 г. был перенесен на р. Каргат. Судя по описанию И. Г. Гмелина, он располагался в 2,5 верстах от озера Убинского. На карте 1771 г. показан уже Каргатский форпост. Находился он, судя по всему, на том же месте, где и существующее ныне небольшое село Форпост-Каргат.

На этой карте обозначен также Уртамкий острог, расположенный примерно на том же месте, где и современное с. Уртам Томской области, вблизи границы с Новосибирской областью.

Такое же месторасположение острогов указано на карте И. Г. Гмелина, созданной во время путешествия, но охватывающей при этом территорию от Байкала на востоке до Тобольска на западе [2]. Там же обозначен Убинский острог, находящийся неподалеку от Убинского озера с его юго-западной стороны (ориентировочно, вблизи современного небольшого озера Марнашное).

Первая половина XVIII в. и несколько последующих десятилетий в Российском государстве характеризуются модой на все европейское, и форпосты на европейский манер назывались пасами (как на карте Гмелина).

Дальнейшие архивные и полевые работы дадут новые сведения по истории освоения Новосибирской области и юга Западной Сибири в целом.

1. ГААК. Ф. 50. Оп. 21. Д. 559.

2. *Гмелин И. Г.* Путешествие по Сибири: 1733–1743. В 4 т. Т. 2. Репринтное издание 1751–1752 гг. СПб.: Альфарет, 2009.

3. *Горохов С. В.* Путевой дневник С. Л. Владиславича-Рагузинского как источник по локализации на местности Усть-Тартасского форпоста // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIII. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 303–306.

4. *Колесников А. Д.* Русское население Западной Сибири в XVIII — начале XIX вв. Омск: Западно-сибирское книж. изд-во, 1973. С. 257–274.

5. *Колонцов С. В., Воробьев А. А.* Материалы Усть-Тартасского форпоста // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Новосибирск, 2001. Т. 3. № 3. С. 154–158.

Научный руководитель — канд. ист. наук А. В. Шаповалов

Средневековое городище Утырлы (Утыртобе)

М. К. Куракбаев

Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
г. Алматы, Казахстан

В раннее средневековье граница между зоной оседлости и кочевничества продвигается на север и северо-восток. На Сырдарье происходит формирование городов, которые складываются на базе оседлых поселений. Городская культура здесь впитала в себя традиции местных оседлых культур и инноваций, стоящих на более высоком уровне развития городской культуры. В Казахских степях население городов вдоль Великого шелкового пути в средние века достигло 20 %, тогда как в Европе только 12 % городского населения [1].

Город и степь составляли не два антагонистических мира, а две отрасли хозяйства вышеназванного государства, его экономическую базу. Расцвет городов Средней Азии и Казахстана в IX — начале XIII в. во многом связан с процессом оседания кочевников [2, С. 24].

Средневековое городище Утырлы расположено в Мактааральском районе Южно-Казахстанской области в 30 км на северо-восток от города Жетысай, 12 км к северо-западу от деревни Утурлы.

Первые сведения о городе встречается в статье М. С. Мерциева «К вопросу о генезисе оседлых поселений (на материалах городища Актобе 1)» [3, С. 67], где автор только отмечает расположение города на карте распространения культуры Кауыншы.

Первая информация о самом городе была опубликована в 1971 году Ю. Ф. Буряковым и О. М. Ростовцевым [4]. Археологические раскопки на сегодняшний день не производились. Объект находится в аварийном состоянии, так как сам город расположен на берегу реки.

Первые письменные источники показывают, что город относится к VIII–XII вв. Средневековое городище по типологии, конструкции и технологии строительства схожа с десятками городами вдоль реки Сырдарья. В эпоху огузов культура Сырдарья находилась на самом высоком уровне развития [5].

В 2004 г. под руководством М. Касенова экспедиция завершила работы по изучению топографии и стратиграфии города Утырлы. В ходе раскопок собраны богатые коллекции керамики, изделий из металла, монет [6, С. 34].

В 2009–2010 гг. и 2014–2015 гг. под руководством М. Е. Елеуова раскопки были продолжены. Были обнаружены остатки строения из сырцового кирпича с полом, выложенным жженым кирпичом. В траншеях 2 и 3, судя по описаниям, выявлены тандыры, остатки конструкций из сырцового и жже-

ного кирпича, «дорожка из крестообразного кирпича», кости животных, а в траншеях 4 и 5 — большое количество глазурованной керамики. Ознакомление с выявленным керамическим материалом, планировкой и архитектурой жилищ, хозяйством населения обогатило науку новыми данными. В Утырлы прослежена традиционная на протяжении 400 лет (XIII–XVII вв.) застройка, формировавшаяся в границах квартала при подвижной планировке и площади отдельных домовладений [7, С. 14–15; 8, С. 32–35].

Одним из направлений экспедиционных исследований было изучение древней ирригации и орошаемого земледелия, составлявших основу оседлой цивилизации и городской культуры Южного Казахстана. Ставились вопросы, связанные с исследованием динамики развития орошаемого земледелия, его связи с политической, социально-экономической и культурной жизнью области.

Многие культурные достижения поры средневековья составили основу материальной культуры казахов. Городское население Южного Казахстана также участвовало в этногенезе казахского народа. Этнические процессы в городах Южного Казахстана, проблемы оседания казахов в городах вместе с проблемами этногенеза, начиная с эпохи саков и кангюев.

1. *Қозыбаев М. Қ.* Өркениет және ұлт. Алматы, 2001. 26 б.

2. *Байпаков К. М.* Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Кн. I. Урбанизация Казахстана в эпоху бронзы — раннем средневековье. Алматы, 2012. 390 с.

3. *Мерциев М. С.* К вопросу о генезисе оседлых поселений (на материалах городище Актобе 1 // Известия АН КазССР. Серия общественных наук. Вып. 3. 1965. С. 66–80.

4. *Буряков Ю. Ф., Ростовцев О. М.* Работы в Ташкентской области // Археологические открытия 1971 года. М., 1972. С. 523–524.

5. *Махмуд Қашқари.* Диуани Лұғат ат-түрік. I том. 47 с.

6. Сырдария археологиялық экспедициясының 2004 жылы Мақтарал ауданындағы Үтіртөбе қаласында жүргізген ғылыми-зерттеу жұмысы туралы есебі. Жетісай, 2005. 39 б.

7. *Елеуов М.* Шардара су қоймасы шайып бұзылып жатқан ортағасырлық Үтіртөбе қаласы // «Бұзылып жатқан тарихи-мәдени ескерткіштерді зерттеу және оларды туристік нысандарға енгізудің өзекті мәселелері»: далалық-тәжірибелік 2-семинар материалдары. Алматы: Қазақ университеті, 2011. 9–17 б.

8. Ортағасырлық Үтіртөбе қаласы. Ғылыми-зерттеу жобаның 2015 жылғы есебі. Жетісай. Алматы, 2015. 42 б.

Научный руководитель — Б. Б. Бесетаев

История изучения археологических комплексов гунно-сарматского времени на современном этапе (конец XX — начало XXI вв.)

И. С. Половников

Новосибирский государственный университет

История изучения памятников гунно-сарматского времени территории Горного Алтая представлена в целом ряде работ современных авторов [1–4]. В результате проделанного анализа различные исследователи выделяли два или три историографических этапа. Согласно одной точке зрения, первый этап начинается с 60-х гг. XIX в. и продолжается до второй половины 70-х гг. XX в. Второй берет начало со второй половины 70-х гг. XX в. и длится по настоящее время. Существует и другая точка зрения — между двумя этими этапами в качестве промежуточного находится период с 80-х гг. по 90-е гг. XX в., когда стали производиться интенсивные раскопки.

К настоящему времени в результате археологических исследований на территории Горного Алтая собран значительный массив данных по интересующему периоду. Интерпретация этого материала привела исследователей к различным точкам зрения в вопросе культурной принадлежности горно-алтайских памятников.

Положительное значение имела дискуссия, в ходе которой сформировалось два основных подхода. Сторонники первого (В. В. Бобров, А. С. Васютин, С. А. Васютин, Ю. С. Худяков, Ю. В. Тетерин) признают существование на территории Горного Алтая нескольких самостоятельных культур или типов памятников: булан-кобинских, берельских, кок-пашских, айрыдашских. Другая группа исследователей объединяет памятники Горного Алтая в одну культуру — булан-кобинскую (Ю. Т. Мамадаков, В. И. Соенов, А. А. Тишкин, В. В. Горбунов, С. С. Матренин).

Отдельно стоит отметить оценку культурной принадлежности горно-алтайских памятников А. С. Суразакова, который объединил все типы памятников в кудыргинскую культуру. Им была подчеркнута их схожесть и связь с широко известным в научной литературе могильником Кудыргэ [5].

Вначале XXI в. внимание стало уделяться более дробной культурно-хронологической периодизации. А. А. Тишкин и В. В. Горбунов предложили разделить в булан-кобинской культуре три этапа: ранний — усть-э-диганский (II в. до н. э. — I в. н. э.), развитый — бело-бомский (II — 1-я половина IV вв. н. э.) и поздний — верх-уймонский (2-я половина IV — 1-я половина V вв. н. э.) [3]. Помимо этого, определенные исследователи подготовили обширную сводку, включающую картирование памятников, классификацию погребального обряда, типологию инвентаря и результа-

ты изучения древних технологий. Последний аспект представляется более важным.

К числу традиционных археологических тем можно отнести изучение украшений населения Горного Алтая. Стоит отметить работы, проведенные горно-алтайскими и новосибирскими исследователями. Исследования посвящены сравнительно-типологическому анализу коллекции южно-сибирских серег исследуемого периода (Ю. В. Тетерин, С. В. Трифанова). Важным направлением при исследовании этого периода стало изучение ремесленного производства, включавшего обработку дерева, камня, ткани (Е. А. Константинова).

Ряд работ посвящен военному делу народов Горного Алтая. Данные исследования к настоящему времени составляют самостоятельное научное направление. Нельзя не отметить монографии и цикл статей, посвященных оружию ближнего и дальнего боя, защитному вооружению (В. В. Горбунов, Ю. С. Худяков).

Новые данные были получены горно-алтайскими и барнаульскими исследователями на основе привлечения естественно-научных методов. Опираясь на петрографический, оптико-минералогический, спектральный, рентгенофлуоресцентный анализы, они изучили образцы из ткани, керамики, бронзы.

Подтверждением актуальности изучения памятников гунно-сарматского времени Горного Алтая может служить организация секции «Кочевые культуры Алтая и Центральной Азии» на V (XXI) Всероссийском археологическом съезде, прошедшем в 2017 г. в г. Барнаул.

1. *Соёнов В. И.* Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (Описание, систематика, анализ). Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. 160 с.

2. *Бобров В. В., Васютин А. С., Васютин С. А.* Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.

3. *Тишкин А. А., Горбунов В. В.* Комплекс памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

4. *Серегин Н. Н., Матренин С. С.* Археологические комплексы Алтая II в. до н. э. — XI в. н. э.: история исследований и основные аспекты интерпретации. Барнаул: Азбука, 2014. 230 с.

5. *Суразаков А. С.* Горный Алтай в конце I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э. // История Республики Алтай. Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С. С. Суразакова, 2002. Т. 1. С. 177–184.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доцент О. А. Митько

Динамика заселения лесостепного Зауралья в эпоху Средневековья

Е. А. Третьяков

Тюменский государственный университет

Появление разнокультурных комплексов на локальных территориях наводит на мысль о появлении поликультурных обществ. В этом контексте изучение стратифицированных памятников способно пролить свет на формирование этнокультурной обстановки в рассматриваемом регионе.

В средневековый период территорию лесостепного и подтаежного Зауралья занимают носители бакальской и юдинской культур. Бакальская культура датируется IV–XIII вв. н. э. Ее памятники локализуются преимущественно в лесостепном регионе. Хозяйственно-экономический тип данного населения строился на полусоседном скотоводстве со смежными вспомогательными отраслями (охота, рыболовство).

В подтаежной зоне в бассейнах рр. Тавды и Пышмы локализуются древности юдинской культуры (X–XIII вв.), экономический уклад которых также основывался на скотоводстве и присваивающих отраслях. Однако в ходе исследований последних лет материалы юдинской культуры выявлены и в лесостепной зоне. Они залегают чаще всего совместно с древностями бакальской культуры на одних и тех же комплексах, однако встречаются и однослойные юдинские памятники. Таким образом, хронологические позиции, а также локализация в одних и тех же территориальных рамках наводят исследователей на мысль о сосуществовании данных коллективов [2]. Поэтому до сих пор не ясно, могло ли разнокультурное население, практиковавшее схожие экономические типы, занимать одону и ту же природно-экологическую нишу.

Источниками исследования послужил ряд лесостепных памятников, исследованных на сегодняшний день: Коловское, Красногорское, Старо-Лыбаевское, Усть-Терсюкское, Большое Бакальское городища. Практически все комплексы сложностратифицированы и содержат в себе слои предшествующих эпох, поэтому внутренняя дифференциация средневекового материала весьма проблематична. Тем не менее стратиграфический анализ залегания артефактов показал, что древности бакальской культуры залегают на более низких глубинах, в то время как юдинская посуда и инвентарь располагаются ближе к поверхности [2]. Кроме того, массовые находки различаются размерами площадей. В частности, черепки бакальской культуры варьируются от 8 до 70 см², в то время как посуда юдинской культуры залегают отдельными развалами сосудов, превышая площадь 150–200 см².

Таким образом, мы предполагаем, что на данных комплексах существовал не один, а несколько средневековых горизонтов, из которых юдинский

всегда являлся самым поздним. Кроме того, нами были собраны все радиоуглеродные датировки данных памятников, которые показали, что более «ранние» бакальские слои датируются в диапазоне от IV–IX [1–3]. Также две поясные накладки и ременная бляха, происходящие из бакальского слоя городища Усть-Терсюк, антропоморфная личина с Большого Бакальского городища и совместное залегание кушнаренковской посуды надежно датируют бакальский горизонт VI–VIII вв [1]. К сожалению, юдинский период обитания на данных поселениях не подтвержден радиоуглеродным анализом, однако появление в лесостепном регионе погребальных комплексов юдинской культуры подтверждают рамки X–XIII вв. Об этом же говорят находки бронзовых котлов с Красногорского и Прыговского городищ и появление в лесостепи однослойных юдинских памятников.

Подводя итоги, мы приходим к выводу, что в период IV–VIII вв., возможно и начала IX, лесостепной регион Зауралья занимают носители бакальской культуры. С конца IX в. на юг начинают продвигаться группы «лесного» населения. Широкая хронология бытования комплексов и отсутствие синкретичного материала не позволяет нам говорить о совместном проживании данных коллективов. Исходя из этого возникает вопрос, куда исчезают носители бакальской культуры. Возможно предположить, что юдинское население вытесняет бакальцев из данного региона, например, они переселяются восточнее на территорию Приишимья, где бакальские памятники также фиксируются, однако данная гипотеза требует дальнейшего исследования.

1. *Боталов С. Г.* Современное состояние исследований эпохи средневековья лесостепного Зауралья. Вопросы культурно-хронологической интерпретации. // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). Челябинск, 2016. С. 44–58.

2. *Матвеева Н. П., Рафикова Т. Н., Берлина С. В.* К вопросу о хронологической позиции бакальской культуры (по материалам исетских городищ) // АВ ORIGINE. Тюмень, 2007. Вып. 1. С. 76–99.

3. *Матвеева Н. П.* Фортификация городища Старо-Лыбаевское-1 в лесостепном зауралье. // Вестн. Пермского ун-та. 2017. Вып. 1 (36). С. 53–62.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. Н. П. Матвеева

Древние музыкальные инструменты Алтая

Е. Г. Тыбыкова

Горно-Алтайский государственный университет

Музыкальные инструменты являются неотъемлемой частью культуры народа. Они отображают процесс культуругенеза, самобытность и уникальность населения с одной стороны, а также связи с другими культурами с другой. Находки музыкальных инструментов в погребениях древних и средневековых жителей Алтая свидетельствует о важной роли музыки в их жизни. Такие находки известны в памятниках Алтая, относящихся к раннему железному веку и раннему средневековью.

В памятниках пазырыкской культуры известны две находки музыкальных инструментов. Почти целая угловая горизонтальная арфа найдена в кургане 2 могильника Пазырык на Восточном Алтае [3, С. 324; 1, С. 140]. Курган датируется IV вв. до н. э. скифского времени. Инструмент представлял собой остатки разломленного резонансного корпуса. Отсутствовали определяющие детали, а именно количество струн, шейка и головка. В реконструированном виде арфа состоит из двух основных деталей — продолговатого корпуса и струнодержателя. Вырезанный из цельного куска дерева, корпус полый, в средней части сужается и напоминает цифру восемь. Дно корпуса выгнуто, покрыто кожаной мембраной [1, С. 141]. Фрагменты угловой арфы найдены в кургане 2 могильника Башадар в Центральном Алтае [1, С. 62–63]. Курган относится к скифскому времени. От инструмента сохранились стенки и основание корпуса, поврежденный струнодержатель, ушко для его крепления. Корпус сделан из цельного куска древесины, к нему была приклеена мембрана из кожи. Полностью инструмент не реконструирован. [3, С. 63]. Изделия, аналогичные по конструкции арфам, известны в материалах Синьцзяна и Причерноморья, а изображения подобных арф известны в ассирийских рельефах [6].

На территории Северного Алтая обнаружены костяные варганы и их заготовки [2]. На Черемшанском городище найден один почти целый варган и фрагмент еще одного. На поселении Чултуков Лог-9, также относящемся к концу I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э., обнаружены три фрагмента костей со следами обработки, определенные автором находки как заготовки варганов. Подобные изделия известны в Монголии, Северном Китае и Саяно-Алтае [7].

В раннесредневековых тюркских погребениях обнаружены несколько разнотипных инструментов. Струнный музыкальный инструмент найден в скальном погребении на горе Жаргалант-Хайрхан в Монгольском Алтае. Инструмент датируется не позднее VIII в. [8]. Инструмент вероятно ана-

логичной конструкции найден в казахстанской части Алтая в кургане могильника Каракаба-I. Изделие представляет собой частично сохранившийся корпус ладьевидной формы. В центре деки имеется узкое резонаторное отверстие в виде трех коротких вырезов и орнаментальная полоска с тонкой решетчатой резьбой внутри [5, С. 393, рис. 206]. В кургане 12 найден деревянный музыкальный инструмент длиной 67 сантиметров [5, С. 393, рис. 397]. Вероятно, этот инструмент был аналогичен алтайскому топшуру. В кургане 4 на могильнике Каракаба-II найдены фрагменты инструмента — головка грифа с четырьмя колками для настройки струн. Другие части музыкального инструмента раздавлены и практически слились настилом, из-за чего форму инструмента определить не удалось [5, С. 403].

Таким образом, найденные в погребениях музыкальные инструменты свидетельствуют о развитой музыкальной культуре населения Алтая в разные исторические периоды. Вероятно, эти инструменты играли важную роль в шаманских культах жителей Алтая

Работа подготовлена при поддержке гранта РФФИ №18-09-00709.

1. *Басилов В. Н.* Скифская арфа: древнейший смычковый инструмент? // СЭ. 1991. № 4.

2. *Бородовский А. П.* Костяные варганы и их заготовки гунно-сарматского времени на территории Северного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 279–283.

3. *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М., Л.: АН СССР, 1953. 402 с.

4. *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М., Л.: АН СССР, 1960. 360 с. 128 табл.

5. *Самашев З. С.* Памятники средневековых кочевников верховий р. Каракаба в Казахском Алтае // Алтай в кругу евразийских древностей. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 379–409.

6. *Lawergen B.* Harps on the Ancient Silk Road // Conservation of Ancient Sites on the Silk Road. Los-Angeles: the Getty Conservation Institute, 2010. P. 117–124.

7. *Торбат Ц.* Евразийн зүүн хэсгийн эртний нүүдэлчдийн археологийн дурсгалаас илэрсэн хэл хуурнууд // Археологийн Судлал. — Улаанбаатар, 2017. Боть XXXVI. Дэвтэр 1–26. С. 169–180.

8. *Törbat Ts., Batsükh D., Bemmann J., Höllmann T., Zieme P.* A rock tomb of the ancient turkic period in the Zhargalant Khairkhan mountains, Khovd aimag, with the oldest preserved horse-head fiddle in Mongolia — a preliminary report // Current archaeological research in Mongolia. Bonn, 2009. P. 365–383.

Научный руководитель — канд. ист. наук Н. А. Константинов

Петроглифы Дялбака и Сары-Кобы (Восточный Алтай)

А. У. Урбушев

Горно-Алтайский государственный университет

В полевой сезон 2017 г. экспедиция Горно-Алтайского государственного университета наряду с совместными с Государственным Эрмитажем раскопками на Пятом Пазырыкском кургане проводила разведочные работы с целью исследования малоизученных петроглифических памятников. Изыскания выполнялись близ с. Балыктуюль в Улаганском районе Республики Алтай.

Изучение наскальных изображений у с. Балыктуюль началось в 1968 г. с деятельности местного краеведа и лектора В. Ф. Чумакаева и ленинградского археолога С. С. Сорокина [5]. В 1980 г. Л. С. Марсодолов проводит археологические разведки, во время которых зафиксировано 12 местонахождений петроглифов, три из которых были им опубликованы. Два пункта располагаются в непосредственной близости от места проведенных нами работ [4]. Далее, подобные исследования носят эпизодический характер и связаны с именами А. С. Васютина, Ю. Т. Мамадакова, В. А. Кочеева, А. М. Илюшина, В. Н. Елина, В. Д. Кубарева и др. [3].

Первый обследованный нами пункт в местности Дялбак зафиксирован в 1979 г. Алтайским отрядом Южносибирской экспедиции Кемеровского университета, возглавляемым А. С. Васютиным [1]. С того времени там не проводилось никаких исследований. В 2017 г. их изучение было продолжено экспедицией Горно-Алтайского государственного университета.

Наскальные изображения Дялбака располагаются на склоне одноименной горы в северо-восточных окрестностях с. Балыктуюль. Площадки подверглись сильной патинизации, имеют трещины, на них произрастает множество лишайников. На скалах техникой гравировки нанесены зооморфные и антропоморфные существа, юрты(?), колесница. Всего насчитывается около четырех десятков изображений, среди которых прослеживаются батальные и охотничьи сцены, демонстрирующие подвиги воинов, их умения и мастерство. Такие сцены являются важным источником для конкретизации ряда аспектов военного искусства и построения более детальной картины с присущими ей особенностями охотничьей деятельности населения исследуемой территории.

Приведенные изображения выдержаны в одном стиле и выполнены техникой гравировки. Датировка большинства изображений тюркским временем не вызывает сомнений. Подтверждается это аналогичными по иконографии изображениями всадников и животных Дялбака с изображениями на роговой облицовке передней луки седла из могильника Кудырге,

где динамично, многофигурными утонченными образами представлена сцена охоты [2].

Следующим местом исследований петроглифов стали склоны западной части урочища Сары-Кобы. Здесь и неподалеку, в местности Телетыт, в 1968 г. В. Ф. Чумакаев занимался фиксированием наскальных изображений [5], но многие из них почему-то остались без внимания.

В Сары-Кобы нами было обнаружено восемь пунктов с наскальными рисунками. Изображены в основном зооморфные существа и антропоморфные фигуры, среди которых прослеживается фигура шамана с бубном в руках. Петроглифы располагаются на горизонтальных и вертикальных плоскостях, по стилистике и семантике датируются в широком временном диапазоне — от эпохи бронзы до этнографического времени. Отличаются они также по технике выполнения (выбитые и прочерченные).

К сожалению, работы по фиксированию наскальных изображений в Сары-Кобы не были завершены. В следующий полевой сезон планируется продолжить работы там и в Улаганском районе в целом. По завершению полевые материалы будут опубликованы.

Таким образом, фиксация ранее не обнаруженных и исследование известных петроглифических памятников дает пласт информации, позволяющий в определенной степени дополнить исторические реконструкции предметов вооружения, обмундирования и т. п., а также расширить знания о мировоззренческой, социокультурной жизни людей в древности и средневековье.

Работа подготовлена при поддержке гранта Президента РФ МК-1837.2017.6 «Изучение археологических комплексов Юго-Восточного Алтая в контексте реконструкции процессов освоения человеком высокогорных ландшафтов в раннем железном веке и Средневековье».

1. *Васютин А. С.* Исследования древнетюркских оградок в Горном Алтае // Археологические открытия 1981 года. М.: Изд-во ИА РАН, 1983. С. 192.

2. *Гаврилова А. А.* Могильник Кудырге как источник по истории алтайских племен. М.: Наука, 1965. 144 с.

3. *Кубарев В. Д., Маточкин Е. П.* Петроглифы Алтая. Горно-Алтайск, 1992. 123 с.

4. *Марсадалов Л. С.* Наскальные изображения периода поздней бронзы из Улаганского района (Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Материалы регион. науч.-практ. конф. Барнаул, 2003. Вып. 13. С. 99–102.

5. *Сорокин С. С., Чумакаев В. Ф.* Наскальные изображения в районе Пазырыка // Ученые записки ГАНИИЯЛ. Горно-Алтайск, 1971. Вып. X. С. 140–146.

Научный руководитель — канд. ист. наук Н. А. Константинов

К вопросу о систематизации традиционных луков

Р. М. Харитонов

Новосибирский государственный университет

В ходе изучения ручного метательного оружия специалистами не раз предпринимались попытки разделить традиционные луки по некоторым признакам, в числе которых устройство деревянной основы, конструктивные элементы и т. д. Различные схемы систематизации луков с характеристикой основных поняти, использовали в своих работах М. В. Горелик [1], А. И. Соловьев [2], А. М. Хазанов [3] и др. Нередко в один термин вкладывалось разное содержание. Некоторые исследователи говорили о луке «сложном», «сложносоставном» исключительно для того, чтобы показать, что предмет по характеру конструкции не «простой», не давая какого-либо четкого определения этим терминам. Следует отметить, что новые данные, полученные в ходе изучения целых луков, а также вариативность некоторых терминов требуют уточнения ряда основных положений, а также разработки новых принципов систематизации.

Для наиболее полной характеристики отдельных луков нами выделено три основных параметра: конструкция деревянной основы, наличие дополнительных материалов, геометрия готового изделия.

подавляющее большинство традиционных луков имеет основу, изготовленную из дерева, которая является одним из основных параметров. Можно выделить *простую* и *сложную* основы лука. *Простая* состоит из одного сплошного куска древесины и не имеет каких-либо дополнительных деревянных деталей, меняющих качество изделия. *Сложная* изготовлена из нескольких деревянных частей. В зависимости от характера соединения этих частей сложная основа может быть *составной*, *усиленной*, *составной усиленной* и *наборной*. *Составная* — собранная из нескольких коротких деревянных деталей. *Усиленная* представлена цельной деревянной деталью, укрепленной одной или несколькими деревянными деталями по всей длине или на отдельных её участках. *Составная усиленная* — основа, составленная из нескольких коротких деталей и также усилена по всей длине или на отдельных участках деревянными пластинами, то есть сочетающая в себе характеристики *составной* и *усиленной* основ. Следует отметить, что во всех вышеперечисленных изделиях ширина основы была равна ширине деревянных деталей, используемых на различных участках. *Наборная* — основа, состоящая из отдельных деревянных или иного рода деталей (в этом случае лук относится только к композитным), образующих ширину основы лука независимо от их размера. При работе с отдельными фрагментами луков

или с их изображениями, можно говорить только о простом или сложном луке. Отнесение основы лука к отдельной вариации сложной деревянной основы возможно только при детальном изучении последней и имеет смысл при работе с целиком сохранившимися изделиями.

Одним из основных параметров является наличие и характер использования дополнительных материалов (рог, кость, сухожилия и др.). Если дополнительные материалы использовались для усовершенствования конструкции кибити путем придания отдельным частям жесткости, укрепления различных участков лука с целью повышения его боевых характеристик, то такой лук называется *композитным*. Дополнительные материалы могли использоваться для декорирования изделия, более прочной фиксации между собой деталей деревянной основы и без повышения боевых характеристик и т. д. Эти луки и луки без использования таких дополнительных материалов называются *цельнодеревянными*. Костяные и роговые накладки разных форм, встречающиеся в археологических памятниках, позволяют отнести остатки луков к композитным и делают возможной дальнейшую их типологизацию по количеству и положению накладок.

Как показывает практика, одинаковые по форме и размерам накладки зачастую встречаются на луках, кардинально отличающихся по своей геометрии и конструктивным особенностям. Не отличаются единством геометрии и луки с одинаковым устройством деревянной основы. Это позволяет выделить еще одну важную характеристику — геометрию готового изделия. По геометрии (по направлению концов лука в положении без тетивы) можно выделить следующие виды: *прямой*, при кибити, направление окончаний которой направлено в противоположных направлениях; *открытый*, при концах лука, направленных вперед и в противоположном направлении друг от друга; *закрытый*, при концах лука направленных вперед, в направлении друг друга.

Предложенная схема систематизации используется нами для работы с целиком сохранившимися луками для наиболее полной характеристики их конструкции и может быть использована при работе с археологическим материалом.

1. Горелик М. В. Оружие Древнего Востока. IV тысячелетие — IV век до н. э. СПб.: Атлант, 2003. 336 с.

2. Соловьев А. И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2003. 224 с.

3. Хазанов А. М. Сложные луки евразийских степей и Ирана в скифо-сарматского эпоху // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1966. С. 29–44.

Научный руководитель — д-р ист. наук А. И. Соловьев

**Технология изготовления комбинированных орудий кузнецов
и ювелиров Южной Сибири (I тыс. н. э. — первая половина II тыс. н. э.)**

Р. В. Давыдов

Новосибирский государственный университет

На территории Южной Сибири в комплексе металлообрабатывающих орудий периода от рубежа эр до второй половины II тыс. н. э. зафиксированы уникальные для этого времени комбинированные инструменты — молотки-напильники. В их конструкции выделяются три функциональных элемента: головка молотка с одной или двумя ударными плоскостями, полотно напильника и соединяющая их рукоять. Данные инструменты встречаются в курганных погребениях, однако большинство из них относится к категории случайных находок.

К настоящему времени нами выявлено 26 экз. молотков-напильников. На основе морфологического и культурно-хронологического анализа они разделены на 5 групп.

Группа I (Т-образные, симметричные) насчитывает 7 экз. (таштыкская культура): 4 экз. — из фондов Минусинского музея (ММ АЖ 7837, 8221, 10037/74, 10037/75) [1], 2 экз. — из фондов Государственного Эрмитажа (ГЭ 1133/64, 3975/1007) [2], 1 экз. — из частной коллекции.

Группа II (Г-образные) состоит из 6 экз. (VII–X вв.): 2 экз. — из могильника Саратовка [3], 3 экз. — из фондов Минусинского музея (ММ АЖ 7838, 7839, 7840), 1 экз. — из частной коллекции.

Группа III (Т-образные, ассиметричные) включает 8 экз. (аскизская культура, X–XIV вв.): 1 экз. — из могильника Часовенная Гора [4], 1 экз. — из фондов Государственного Исторического музея (ГИМ 36228) [5], 5 экз. — из фондов Минусинского музея (ММ АЖ 7829, 7830, 7831, 7836, н1), 1 экз. — из фондов Красноярского краеведческого музея.

Группа IV (Т-образные, симметричные, укрупненные) насчитывает 3 экз. (ММ АЖ 3412, 3413, 3414) (середина I тыс. н.э.).

Группа V (Т-образные, ассиметричные, с зубильным лезвием) включает 2 экз. (ММ АЖ 7835, экз. из частной коллекции) (рубеж I–II тыс. н. э.).

На основе данных морфологического и макротрасологического анализа, а также по результатам металлографического изучения одного из инструментов [5] нами реконструирована технология изготовления молотков-напильников.

Первоначально из железного прута посредствомковки формировались рукоять, оканчивающаяся полотном напильника. После этого изготавливалась головка молотка. При создании инструментов групп I и IV она отковывалась от-

дельно из железа или, в отдельных случаях, из бронзы (экз. ММ АЖ 10037/75, ГЭ 3975/1007). Затем железные головки насаживались на рукоять напильника. Головка молотка орудий группы II формировалась путем изгиба рукояти (последние 28–41 мм) перпендикулярно продольной оси инструмента и расплющивания ее конца в боек. При изготовлении головок групп III и V конец рукояти (последние 20–40 мм) разрубался зубилом вдоль продольной оси заготовки. Получившиеся полосы отгибались в разные стороны, после чего им придавался вид цельной головки с рабочими поверхностями разной формы.

Следующей фазой было нанесение при помощи зубила или резца декоративных украшений (группы I, III, IV и V). Отдельные элементы дорабатывались абразивным инструментом. Наиболее сложным декором обладает орудие из могильника Часовенная Гора, рукоять и головка молотка которого украшены инкрустацией.

Затем производилось нанесение насечки на полотна напильников. Данная операция выполнялась вручную тонким зубилом с лезвием шириной около 3 мм (группа I) и 2,5–3,5 мм (группа III).

Заключительной стадией изготовления большинства орудий являлась закалка. Ей подвергались все функциональные элементы инструментов. Бронзовые головки молотков орудий из группы I насажены на рукояти напильников после закалки основной части инструментов. Также после термической обработки была завершена инкрустация молотка-напильника из Часовенной Горы (в канавки узора были вбиты серебряные полоски).

Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/8.9) с использованием материалов коллекции Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартянова.

1. Давыдов Р. В. Характеристика кузнечного инструментария средневековых кочевников Южной Сибири из фондов Минусинского краеведческого музея // Материалы 55-й Международной научной студенческой конференции МНСК-2017: Археология. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. С. 59–60.

2. Кызласов И. Л. Орудия таштыкских ювелиров (к истории ремесленного производства в Южной Сибири) // Сов. археология. 1985. № 1. С. 107–122.

3. Илюшин А. М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. Кемерово: Изд-во Кузбасского гос. тех. ун-та, 1999. 160 с.

4. Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. / Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. ЕЗ-18. М.: Наука, 1983. 128 с.

5. Хоанг Ван Кхоан. Технология изготовления железных и стальных орудий труда Южной Сибири (VII в. до н. э. — XII в. н. э.) // Сов. археология. 1974. № 4. С. 110–125.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доцент О. А. Митько

Указатель авторов

Алишер кызы Салтанат	5	Нестеров С. С.	51
Антипина В. О.	67	Новожилов Р. Д.	53
Аскарров А. Б.	69	Оразкул А. С.	55
Благун Ю. Ю.	33	Панкина А. И.	19
Бобин Д. Н.	35	Патрушева А. Е.	21
Вальченко В. Е.	71	Половников И. С.	81
Гаврилина Т. А.	7	Проконова М. М.	57
Губар Ю. С.	9	Ростяженко Т. Е.	23
Давыдов Р. В.	91	Рюмин И. В.	47
Долгушин И. Д.	11	Селецкий М. В.	25
Дьяков Н. Р.	37	Серовец Г. В.	27
Жарылгасынова Б. М.	39	Сырикова П. В.	59
Жуков М. Е.	73	Третьяков Е. А.	83
Журавлева Е. А.	41	Тыбыкова Е. Г.	85
Исмаилов Д.	75	Урбушев А. У.	87
Ким Г.	43	Филимонова Д. С.	61
Колясникова А. С.	13	Харитонов Р. М.	89
Корчагин А. П.	77	Чернышов А. В.	29
Кравченко И. А.	45	Шевченко Т. А.	31
Куракбаев М. К.	79	Юдакова В. С.	63
Ларочкин А. А.	47	Яковлев Д. Т.	65
Литвинова К. А.	15	Muhambetsalyuly В.	49
Михиенко В. А.	17		

ОГЛАВЛЕНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА

Алишер кызы Салтанат	5
Гаврилина Т. А.	7
Губар Ю. С.	9
Долгушин И. Д.	11
Колясникова А. С.	13
Литвинова К. А.	15
Михиенко В. А.	17
Панкина А. И.	19
Пагрушева А. Е.	21
Ростяженко Т. Е.	23
Селецкий М. В.	25
Серовец Г. В.	27
Чернышов А. В.	29
Шевченко Т. А.	31

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Благун Ю. Ю.	33
Бобин Д. Н.	35
Дьяков Н. Р.	37
Жарылгасынова Б. М.	39
Журавлева Е. А.	41
Ким Гынми.....	43
Кравченко И. А.	45
Ларочкин А. А., Рюмин И. В.	47
Muhambetsalyuly В.	49
Нестеров С. С.	51
Новожилов Р. Д.	53
Оразкул А. С.	55
Проконова М. М.	57
Сырикова П. В.	59
Филимонова Д. С.	61
Юдакова В. С.	63
Яковлев Д. Т.	65

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Антипина В. О.	67
Аскарров А. Б.	69
Вальченко В. Е.	71
Жуков М. Е.	73
Исмаилов Д.	75
Корчагин А. П.	77
Куракбаев М. К.	79
Половников И. С.	81
Третьяков Е. А.	83
Тыбыкова Е. Г.	85
Урбушев А. У.	87
Харитонов Р. М.	89
Давыдов Р. В.	91

Научное издание

МНСК-2018

АРХЕОЛОГИЯ

Материалы
56-й Международной научной студенческой конференции

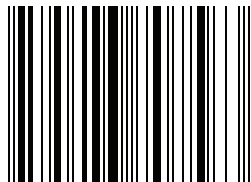
22–27 апреля 2018 г.

Корректор *А. А. Скворцова*
Верстка *А. С. Терешкиной*
Обложка *Е. В. Неклюдовой*

Подписано в печать 20.04.2018 г.
Формат 60 × 84/16. Уч.-изд. л. 6. Усл. печ. л. 5,58.
Тираж 100 экз. Заказ № 86.
Издательско-полиграфический центр НГУ.
630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2.

Секция
АРХЕОЛОГИЯ

ISBN 978-5-4437-0756-3

9 785443 707563

N* Новосибирский
государственный
университет
***НАСТОЯЩАЯ НАУКА**

